

СЕКРЕТЫ

**КОНДИ
И ОКОВЫ
ВЕЗНОВИЯ**

Северо-Запад

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад», 1997, том 40 «Конан и оковы безмолвия»

Тим Доннел. Оковы безмолвия (повесть), стр. 355-444

- [Тим Доннел](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
-

Тим Доннел

Оковы безмолвия

**(«Северо-Запад», 1997, том 40 «Конан и
оковы безмолвия»)**

Глава первая

Уже который день Конан упорно шел к югу. Узкая тропа, ведущая сквозь джунгли полутемным коридором, петляя, убегала вдаль. Лианы перебрасывали свои гибкие побеги с дерева на дерево, не позволяя продвигаться вперед, и Конану приходилось мечом прорубать себе дорогу.

Но уж очень соблазнительно расписывал Витара затерянный в джунглях Рубиновый Город. И раз уж судьба занесла киммерийца в Вендию — он доберется до сокровищ во что бы то ни стало.

Витара, бездельник и славный малый, жаль, что он напоролся на меч стражника. Когда они выходили на промысел, Шадизар как бы сам подносил им свои богатства на золотом подносе. Сколько лет прошло с той поры? Чего только не случилось за это время, но кажется, будто и сейчас Витара живой и нашептывает свои истории про чудеса Рубинового Города.

До сих пор все складывалось для Конана не очень удачно, по большей части ему приходилось уносить ноги, зато теперь он отделался от врагов, и можно было спокойно отправляться на поиски сокровищ. Но для начала неплохо бы отдохнуть, только не здесь, в этом душном зеленом шатре, а где-нибудь на берегу, у воды.

Конь, наверное, думал о том же. Он напряг шею, вытянул морду и тихо заржал. Конан толкнул коня пятками в бока, и вскоре он легкой рысью вынес киммерийца из густых зарослей на светлую поляну. Дорога вела к неширокой реке с удобным бродом.

Конан спешился, внимательно осмотрелся, расседлал и напоил коня. Приближался вечер, и он решил, что здесь и заночует. Кругом было тихо, и, не видя никакой опасности, он решил искупаться — дневная жара и влажная духота джунглей утомили его. Войдя в воду, он по привычке снова огляделся — и выше по течению увидел человека, стоявшего спиной к нему по пояс в воде.

Человек молился, подняв руки к небу. Конан готов был поклясться, что сейчас незнакомец ничего не видит и не слышит. Он уже знал, что вендейцы во время молитвы погружаются в это диковинное состояние, и поэтому спокойно искупался, оделся и стал ждать, что будет дальше.

Вскоре мужчина закончил молитву, вышел на берег и скрылся за кустами. Но, услышав ржание коня, он с опаской вышел на поляну. Теперь Конан мог его хорошенъко разглядеть.

Это был стройный юноша, судя по одежде, суме и посоху — паломник, питающийся подаяниям. Вендийцы часто покидали родные места, чтобы посетить далекие святыни. Как видно, и этот юноша направлялся в какой-нибудь храм.

Увидев могучего киммерийца, сидящего на траве с мечом на коленях, юноша испугался и хотел бежать, но Конан приветливо махнул ему рукой и ободряюще улыбнулся. Его голубые глаза, метавшие молнии в минуты гнева, сейчас смотрели спокойно и весело. Юноша ему понравился. Чем-то он напоминал Витару, такой же смуглый, стройный и легкий, с огромными черными глазами.

Юноша подошел, почтительно поклонился и робко спросил:

— Кто ты? Человек или небожитель?

Конан расхохотался, и юноша невольно заулыбался.

— Ну, ты и сказал! Небожитель! Демоном меня, правда, называли, но небожителем... — И он снова расхохотался.

Услышав эти слова юноша догадался:

— Ты — чужеземец, из других краев! Я слышал, что далеко-далеко на севере рождаются такие могучие воины, а вот теперь и сам это вижу!

— Да, ты прав, я — из славной Киммерии, а зовут меня Конан. Я пробираюсь на юг, и эта дорога, похоже, выведет меня куда надо.

— Да, она, хоть и петляет, но ведет на юг. Но по ночам в джунглях опасно даже для такого воина, как ты!

— А я как раз и собирался здесь заночевать, и конь заодно отдохнет. Тебя как звать?

— Дхавана. Нам, кажется, по дороге. Однако ночь приближается, надо бы разжечь костер.

Быстро темнело, и они поспешили наломать сухих веток для костра. Дхавана ловко и умело разжег огонь, расстелил на траве кусок чистой ткани и предложил Конану еду из своей сумы. Конан, уже не первый день скитавшийся по Вендии, знал, что люди здесь делятся на касти. Но ему было совершенно все равно, с кем делить кусок, хлеба — с ученым, воином, ремесленником или крестьянином. Даже с самыми низкорожденными, которых сторонились все, он вел себя, как с равными. Ведь в трудное время любой человек может помочь — укрыть от врагов иди накормить, когда голоден, — и совсем неважно, чем он занимается: читает учёные книги или убирает отбросы.

Из седельной сумки Конан достал флягу с вином, свежие лепешки и печеное мясо, купленные за гроши в деревне, которую он проезжал утром. Фрукты, рис и рыба, предложенные Дхаваной, превратили их походный

ужин в настоящее пиршество.

Подкрепившись, Конан стал расспрашивать юношу, кто он и куда идет. Дхавана рассказал, что хочет посетить монастырь с храмом Кубиры, бога богатства. Он находится в Потали, небольшом городке к югу от его деревни. Идти туда осталось недолго — два или три дневных перехода.

Юноша говорил охотно, но его рассказ то и дело прерывался тяжкими вздохами, он мрачно смотрел на пламя костра. Конан понял, что какая-то забота не дает ему покоя, и спросил, что его печалит и чем ему может помочь Кубира?

Дхавана грустно улыбнулся и ответил:

— Кубира мне ничем не поможет. Мою печаль могу развеять только я сам. Уже год, как я потерял своего любимого брата — Критану. Мы с ним родились в один день и один час, жили, как одна душа, до тех пор, пока ему не захотелось побывать в храме Кубиры. Приходя оттуда, паломники рассказывали столько чудес о монастыре и этом храме — бог Кубира милостив к монахам. Люди своими глазами видели, какие прекрасные вещи появляются в монастыре по молитве главного жреца Ваджрана — такое могут сделать лишь самые искусные мастера, отмеченные милостью богов. Монастырь ведет торговлю с другими городами и богатеет, прославляя божество и украшая город.

В нашей деревне все занимаются ткачеством. Золотая парча — наш родовой промысел. Никто в деревне не мог сравниться в этом искусстве с нами, Кританой и Дхаваной. Когда Критана собрался в путь, я почувствовал, что уходит половина моей души. Наша сестра, Сундари, умеет предвидеть будущее. Она со слезами просила брата не уходить в Потали, говорила, что там его ждет беда. Но он все равно ушел, унеся с собой наш покой... — Дхавана замолчал, забыв про еду и глядя на пляшущие языки пламени.

Они довольно долго молча сидели у костра. В конце концов Конан улегся спать. Он чувствовал, что Дхавана не причинит ему зла. Завернувшись в плащ и еще раз взглянув на задумавшегося юношу, Конан уснул.

Проснувшись поутру, киммериец увидел, что Дхавана по-прежнему сидит у давно потухшего костра, устремив в даль невидящие глаза. Конан потряс его за плечо и, когда тот очнулся, сказал:

— Поедем вместе. Раз мой путь лежит через Потали, я, пожалуй, не откажусь посмотреть на чудеса, о которых ты говорил. Сядь сзади на коня, и поехали!

Юноша благодарно улыбнулся и легко вскочил на круп коня. Могучий

жеребец даже не почувствовал дополнительной ноши, спокойно перешел реку и рысью понес их через поляну в джунгли, куда вела дорога.

Глава вторая

Днем они остановились в небольшой деревушке, отдохнули и поехали дальше. До Потали оставалось всего два дневных перехода, но путь шел через непроходимые джунгли, и лишь изредка попадались открытые места, где когда-то были деревни.

Конану не нравились духота и заросли вендинских джунглей. Воздух, казалось, был густым от испарений земли и дыхания растений. Не освежая, он с трудом проходил в горло. Конан то и дело прикладывался к фляге с вином, чтобы избавиться от ощущения вязкости лесного воздуха. Дхавана молча сидел сзади. Похоже, он не замечал ни жары, ни духоты.

Ближе к вечеру они набрали на небольшую поляну. Рядом с дорогой, заботливо обложенный камнями и очищенный от сухих веток, был маленький родник — все, что осталось от деревни, покинутой много лет назад. Конан напоил коня, напился сам и набрал воды в опустевшую флягу. Дхавана омыл в воде руки и лицо, помолился и, как делали все путники до него, отбросил прочь от родника весь мусор.

Костер разожгли здесь же, и Конан предложил юноше свой плащ, чтобы тот уснул. Но Дхавана явно испытывал какое-то беспокойство и тревожно всматривался в переплетение веток и лиан, которые в сгущавшихся сумерках казались непроходимой стеной. Впервые за весь вечер он, наконец, заговорил:

— Здесь очень опасные места. Много путников погибает в когтях огромного тигра — хозяина здешних лесов. Сначала я даже думал, что этот тигр растерзал и моего брата. Но сестра сказала... — Он осекся на полуслове, с ужасом наблюдая за тем, что происходит за спиной Конана.

Киммериец понял все без слов, резко отскочил в сторону и выхватил меч. Привязанный к дереву конь захрипел и стал биться, стараясь оборвать повод.

Лес огласился протяжным ревом голодного тигра, и вот он уже стремительно выскочил на поляну, готовясь поживиться легкой добычей. Он привык брать дань с этой дороги и ночью, и даже днем. Другого пути в Потали с севера не было, поэтому путники обычно собирались в караваны, чтобы вместе миновать опасные места. Тех, кто путешествовал в одиночку, тигр считал своей законной добычей, и потому мало кому из них удавалось дойти до Потали.

Уже несколько дней дорога пустовала. Тигр был голоден и зол. И вот наконец путники и лошадь! Хищник стоял посреди поляны, оскалив ужасные клыки, бил хвостом и яростно рычал.

От ужаса конь взвился на дыбы.

Вдруг два вихря рванулись навстречу друг другу, воющий и ревущий клубок покатился по поляне. Разгоравшийся костер потух, и в сумерках трудно было разобрать, что происходит. Не помня себя от ужаса, Дхавана залез на дерево и, прижавшись к стволу, раздвинул плети лиан, пытаясь разглядеть, что творится внизу. Казалось, на поляне сражались два могучих тигра. Мелькали тела, раздавалось яростное рычание, звуки ударов и треск сучьев. Внезапно клубок ревущих тел распался, но через мгновение противники вновь сцепились в смертельной схватке. Однако вскоре все затихло, даже конь перестал ржать и биться. Были слышны лишь хриплое дыхание и предсмертные стоны — то ли зверя, то ли человека. Наконец Дхавана различил в темноте очертания человеческой фигуры с мечом в руке. Юноша быстро слез с дерева и побежал к коню. Почувствовав прикосновение человеческих рук, конь успокоился и лишь изредка испуганно всхрапывал.

С головы до ног залитый кровью Конан вытирал меч огромными листьями лианы. Дхавана поджег сухую ветку и осмотрелся. Гроза одиноких путников, тигр, оскалив страшную пасть, лежал на спине с огромной раной в груди.

Дхавана быстро насобирал сучьев и разжег новый костер. Конан в изнеможении сел, прислонился спиной к стволу и закрыл глаза. С разодранного плеча свисал огромный лоскут кожи, вся грудь была исполосована когтями. Кровь лилась горячими ручьями, и вместе с ней силы покидали могучее тело киммерийца. Но вот он почувствовал, что кто-то прикасается к его ранам — это Дхавана промывал их холодной водой. Потом он принес охапку мягких круглых листьев и стал бережно прикладывать их к ранам. Как только он накладывал лист, боль потихоньку начинала утихать, а кровь сразу останавливалась.

Вскоре все раны были прикрыты листьями, боль почти ушла, и киммерийца потянуло в сон. Сквозь прикрытые веки он видел костер, оскаленную пасть тигра и его желтые глаза, казавшиеся совсем живыми в отблесках пламени. Засыпая, Конан успел подумать, что надо бы снять с него шкуру.

Проснувшись утром, киммериец сначала не понял, что с ним — одежда изорвана, в засохшей крови, а тело облеплено увядшими листьями. Он повернул голову и сразу все вспомнил: и тигра, и битву, и то, как

Дхавана промывал его раны. Тигр прокусил Конану плечо и порвал грудь. Такие раны болят сильнее, чем от меча или копья, но сейчас боль почти не чувствовалась... К своему удивлению, поодаль киммериец увидел распаянную на сухих ветках умело обработанную шкуру. Рядом лежала прикрытая травой и листьями освежеванная туша.

Дхавана сидел возле Конана на корточках и никак не мог понять, чему удивляется киммериец, глядя на шкуру. Но, когда Конан объяснил, юноша засмеялся и сказал:

— Настоящему мужчине и сорока искусств мало — так говорил мой отец. Ты еще не так удивишься, когда снимешь эти листья! — И Дхавана осторожно отлепил лист от плеча киммерийца.

Конан скосил глаза, ожидая увидеть распухшую рану, но под листом был свежий рубец, словно он сражался с тигром не сегодня ночью, а, по крайней мере, дней десять назад. Он привык не замечать боли, привык, что раны у него быстро заживают, но с такими чудесами столкнулся впервые.

— Так ты, что же, еще и лекарь? Ткешь парчу, выделываешь шкуры, заживляешь раны... Сколько искусств, ты говоришь, должен освоить настоящий мужчина — сорок? Что же ты еще умеешь?

Дхавана, улыбаясь, отлепил остальные листья — раны уже затянулись, остались только яркие рубцы, которые вскоре побледнеют. Потом юноша подошел к лиане, свесившей свои гибкие побеги с нежно-сиреневыми цветами прямо над дорогой:

— Тебе очень повезло, чужеземец! Боги отблагодарили тебя за то, что ты избавил джунгли от этого проклятия. Если бы не листья вяяны — ты бы истек кровью. Это очень хороший знак. Боги любят тебя. Ведь только свежесорванные листья вяяны исцеляют. Когда они увянут или засохнут — чудесная сила исчезает. Поэтому их нельзя запасти впрок.

Конан разглядывал слегка колышающуюся над поляной лиану, вдыхал аромат цветов и думал, что Вендия — действительно чудесная страна. Прав был Витара...

Весь день они ехали по безлюдным местам. В джунглях изредка встречались небольшие поляны, заросшие высокой травой, а потом деревья вновь смыкали ветви над их головами. Вверху шумно возились пестрые птицы, перекликаясь резкими голосами, как торговцы на базаре. Некоторое время путников сопровождала стая любопытных обезьян. Они увидели наброшенную на плечи Конана шкуру тигра и подняли отчаянный визг. Потом их привлекло что-то другое, и они, все так же вереща, умчались вглубь зарослей.

Для последней ночевки Конан и Дхавана выбрали довольно большую

поляну.

Конан разложил на траве полосатую шкуру и с удовольствием на ней растянулся. Дхавана разжег костер и сидел рядом, по-прежнему задумчиво глядя на огонь и почти не прикасаясь к еде. Потом он встрепенулся, как будто что-то вспомнив, и достал из-под рубахи пояс. Парчовый пояс, затканный золотыми нитями, сверкнул в свете костра, и Конан придвинулся ближе, чтобы получше его рассмотреть. Дхавана протянул ему пояс и сказал:

— Сундари, наша сестра, говорила мне, что Критава не погиб, растерзанный тигром, что он жив, но может скоро умереть, и мне, если я пойду его искать, тоже грозит беда... Но она выткала этот пояс и сказала, что в его узорах заключено древнее заклинание. Если мне будет трудно, я должен положить его перед собой и вспомнить сестру... — Дхавана взял из рук Конана пояс, положил на землю и стал легонько поглаживать его кончиками пальцев. Вдруг рядом с ними, на фоне черныхочных кустов, в воздухе появилась легкая сияющая дымка. Колеблясь, она постепенно принимала определенные очертания. И вот перед ними возникла стройная девушка с тяжелыми черными волосами, в яркой шелковой одежде. Дхавана глядел на нее не в силах оторваться. Конан тоже засмотрелся на это ночное видение. Девушка села рядом с Дхаваной, и отблеск костра позолотил ее щеки. Юноша наконец пришел в себя и спросил:

— Это ты, Сундари?! Как ты очутилась здесь, в джунглях, так далеко от дома? Как родители отпустили тебя?

Девушка покачала головой:

— Это я — и не я. Заклинание, вытканное на этом пояссе, помогает и мне, и тебе. Теперь, когда ты так близко от монастыря, я знаю, где брат и как можно ему помочь. Но без чужеземца, который один одолел тигра, — девушка посмотрела на Конана долгим взглядом огромных черных глаз, — без его помощи и силы ты ничего не сможешь сделать и погибнешь, как и многие другие. Если могучий чужеземец согласится тебе помочь, я скажу, что делать дальше. А если нет — тебе лучше вернуться, иначе ты и Критану не спасешь, в сам погибнешь... — Слезы катились по ее смуглым щекам, глаза с мольбой смотрели на Конана. Полные, ярко-красные, казалось, созданные для улыбки губы вздрагивали, словно силясь сказать еще что-то. Дхавана переводил взгляд с сестры на Конана, и его глаза тоже просили о помощи.

В тишине, нарушенной лишь тихими шорохамиочных тварей и потрескиванием костра, раздался решительный голос Конана:

— Я помогу твоему брату, девушка. Ты, как видно, знаешь многое —

расскажи, что надо делать, а мой меч не подведет.— И киммериец положил на колени своего верного спутника. Ладонь же его невольно потянулась к тугу обтянутому шелковой тканью крутому бедру, такому соблазнительному, такому близкому. Но рука северянина вошла в пустоту...

Девушка улыбнулась, слезы еще блестели на ее ресницах, но от этого она казалась лишь красивее.

— Меч тебе понадобится, но не сразу. Слушайте, что я буду говорить, и запоминайте.— Она закрыла глаза, лицо ее стало отрешенным, и она заговорила на каком-то певучем, непонятном Конану языке.

Дхавана негромко повторял за сестрой на вендинском наречии:

— Жрец, коварная змея... Плен приносит свободу... Немой воин и ткач... Неразлучны, как братья... Странники не едят мяса... Ткут золотую парчу... Узор пояса, узор покрывала... Брат ищет брата... Ткач ищет помощника... Свет солнца, золото сияет... Узел судьбы развязывается...

Проговорив это, девушка последний раз взглянула на Конана и растаяла, только пояс, сверкая, лежал у костра,

Дхавана давно уже молчал, а Конан все пытался понять, что значили эти слова. Но все, что ни приходило в голову, сразу и само собой, было ему чуждо и непонятно. Пусть Дхавана сам разбирается в этих загадках — все равно дело решит меч, в этом киммериец ничуть не сомневался. Поэтому он спросил юношу: — Ну и что хотела сказать твоя сестра? Слов было много, а смысла я не понял. Ты, наверное, разобрался лучше меня — что это за странники, которые не едят мяса, и чем я могу тебе помочь?

Дхавана подложил в костер сучьев, надел на себя драгоценный пояс и сказал:

— Когда боги говорят с людьми, они всегда не договаривают. И дело людей — понять и исполнить их волю. Я понял все, что говорила Сундари, но тебе предстоит трудное испытание. Твоя сила и смелость поистине ошеломляют, но я не знаю, сможешь ли ты притворяться?

— Притворяться?! — Конан расхохотался.— Притворяться, говоришь? Кем хочешь — купцом, князем, хромым, слепым, горбатым, глухим или немым? Выбирай, что тебе нужно. Ты не жил в Шидизаре и не слышал о Конане, иначе бы не задал мне такого вопроса!

Дхавана смотрел на своего спутника с радостью и восхищением:

— Значит, ты сможешь притвориться немым?! Как раз об этом говорила Сундари в своем пророчестве. Ну, раз тебе уже приходилось это делать, то слушай... — И Дхавана подробно растолковал слова сестры.

Конану понравилась его новая роль — вспомнились проделки юности, и он долго рассказывал Дхаване о своих шадизарских похождениях. К утру

молодой ткач совсем обессилен от смеха, его печаль развеялась, и в сердце поселилась надежда.

Воспоминания о прежней веселой жизни пробудили у Конана зверский голод, и он сказал Дхаване:

— Завтра мы уже не увидим мяса, по сегодня я кого-нибудь изловлю. До города еще целый день пути, а я уже сейчас готов съесть целого барана!

Дхавана с сомнением покачал головой:

— Меч и кинжал — оружие воина, а не охотника. Но дики мы все-таки добудем.— С этими словами он достал из сумы моток толстых шелковых ниток, немного риса и скрылся в кустах.

Через полчаса он вернулся, неся огромную охапку сучьев, чтобы снова разжечь костер. Конан сразу понял, что юноша расставил силки — довольно крупные птицы громко перекликались в кустах и пролетали над головами путников, не обращая на них ни малейшего внимания.

Вскоре они услышали крик и отчаянное хлопанье крыльев. Дхавана бросился в кусты и вернулся, держа в руках большую птицу с ярким оперением.

— Это чарвака, если ее испечь в углях, будет не хуже гуся или утки. Там их целая стая, и они совсем не боятся. Подождем еще, может, и в другой силок что-нибудь попадется...— Не успел он договорить, как громкий крик и хлопанье крыльев подтвердили его слова.

Две испеченные в углях жирные чарваки придали путникам сил на целый день пути по влажным знайным джунглям.

К вечеру они вышли к долине, по которой протекала довольно широкая река. Дхавана несколько раз повторил ее название, но киммериец никак не мог его запомнить. У вендинцев порой встречались такие названия рек или деревень, что язык сломаешь.

Убедившись, что запомнить название этой реки ему не под силу, Конан махнул рукой и стал вглядываться вдаль. Там, за рекой, в вечерней дымке смутно вырисовывался обнесенный высокой крепостной стеной город. Джунгли отступили. До самого горизонта раскинулась огромная плодородная долина. У стен города приютились набольшие деревушки землевладельцев, неподалеку от реки мирно пасся скот.

Посовещавшись, путники решили переноочевать в деревне, а с рассветом войти в город. Как требовало пророчество, Конану настало время превратиться в немого воина. Напоследок перекинувшись с Дхаваной парой слов, он замолчал, уверенный, что испытание продлится недолго.

Деревня оказалась дальше, чем показалось на первый взгляд. Путники

подошли к деревенским воротам за полночь. Но здесь, как видно, привыкли к странникам и сразу показали дом, где можно остановиться на ночь. Утром, щедро расплатившись с хозяином, они не мешкая отправились к городу.

Еще вечером радушный хозяин рассказал им, что храм Кубиры — главное украшение города и что во время храмовых праздников паломники стекаются в Потали со всех концов Вендии. Особенно много приходит купцов. Они за большие деньги покупают у монахов чудесные изделия. Никто из здешних мастеров не может создать ничего подобного. Украшения, ткани, посуда — все это отмечено печатью милости божества. Здешний монастырь — один из самых богатых, и около него кормятся все крестьяне и городские ремесленники.

Он еще долго рассказывал о святости главного жреца, но усталые путники думали уже только о том, как бы поскорее лечь спать.

Глава третья

И вот, наконец, утро, и перед ними — прекрасный город с загадочным храмом. Несмотря на ранний час, в городе было очень оживленно. Жители в нарядных одеждах выходили из домов и спешили к храму. Конан и Дхавана, медленно двигаясь в густой толпе, с интересом разглядывали богатые постройки, дома с ажурными украшениями, ворота с затейливой резьбой.

Казалось, они соперничали между собой: на одних воротах были вырезаны диковинные цветы, на других — райские птицы, на третьих — битва единорогов... Ни один узор не повторялся, ни один дом не уступал другому. Воистину Кубира, бог богатства, простер над городом свою руку, и его жители ни в чем не знали нужды.

Вот и сейчас обитатели города спешили к площади, чтобы лицезреть главного жреца, когда он выйдет из монастыря и прошествует в храм для утренней молитвы и жертвоприношения.

Конан и Дхавана без труда очутились в первом ряду толпы — горожане почтительно расступались перед конем, с изумлением глядя на могучего всадника со шкурой тигра на плечах.

Пестрая шумная толпа вдруг затахла, ворота монастыря распахнулись, и раздалась дикая, резкая музыка — трубачи, флейтисты, барабанщики извлекали из своих инструментов такие невероятные звуки, что мог бы ожить и мертвый.

Следом за музыкантами шли монахи в желтых и красных одеждах, опоясанные мечами и похожие скорее на грозных воинов, чем на служителей божества. Оттеснив толпу, они выстроились двумя рядами между монастырем и храмом и образовали широкий проход. Следом за ними выссыпалась толпа служек. Они проворно разложили на земле золотые кирпичи, по которым должен был пройти главный жрец. Куда бы тот ни направлялся, перед ним всюду выкладывали дорожку из золотых кирпичей, чтобы его нога не коснулась земного праха.

Музыканты еще оглушительнее задудели в свои дудки, и показался сам главный жрец в сопровождении приближенных. Они несли жертвенные сосуды в форме бычьих голов, наполненные молоком, медом и кровью жертвенных животных.

В толпе зашептали: «Ваджран! Святой Ваджран!» и стали опускаться

на колени. Конан заметил, как Дхавана соскользнул с крупа коня и тоже встал на колени. Сам он, сидя верхом, возвышался над толпой и невозмутимо разглядывал процессию. Взгляд главного жреца невольно остановился на мощной фигуре киммерийца, он замедлил шаг и что-то сказал одному из монахов. Потом в сопровождении многочисленной свиты он величественно вошел в храм, и на площади снова стало тихо. Люди стояли на коленях и чего-то ждали. Конан, до этого с интересом глядевший на торжественную процессию, теперь рассматривал храм и поражался его великолепию и богатству.

Никак не верилось, что это ослепительно белое здание было воздвигнуто человеческими руками. Скорее, оно могло возникнуть чудом, в одну ночь.

К главному входу вела аллея из стоявших друг против друга каменных слонов. Их глаза, сделанные из темно-красных рубинов, сверкали на солнце, и казалось, что изваяния живые. Ноги слонов были украшены золотыми браслетами, сиявшими множеством драгоценных камней. Каждый такой браслет был дороже любой царской короны. На их спинах стояли золотые чаши, в которых пыпал огонь. Такие же слоны, подняв белоснежные хоботы и сверкая золотыми бивнями, стояли вокруг всего храма.

Внутри этого круга возвышался храм. Чудилось, будто на его стены накинуто тонкое ажурное покрывало — так изящна была покрывающая их каменная резьба. Высокие узкие окна венчали орнаменты из драгоценной мозаики, и такая же мозаика украшала ворота, сделанные из драгоценного сандалового дерева.

Огромный граненый купол, так же как и стены, украшенный искусственной резьбой и мозаичными узорами, устремлялся к небу высоким золотым шпилем.

Казалось, что огромное здание вот-вот взлетит в небеса сияющим белым облаком. Но оно стояло на земле, прославляя своей красотой и богатством могучего бога Кубиру.

Однако красота и великолепие пробуждали в Конане совсем другие мысли: сияя на солнце, золотые кирпичи, рубины и браслеты так и просились к нему в руки, обещая наслаждения и веселую привольную жизнь.

Ворота внезапно распахнулись, и под звуки оглушительной музыки из храма величаво вышел жрец, а следом — его многочисленная свита. Народ поднялся с колен и словно ждал чего-то. И когда жрец трижды махнул рукой, толпа оживленно зашевелилась и послышались негромкие

возбужденные голоса.

Как по волшебству, на площади возник небольшой помост, сооруженный расторопными служками. Собранный в мгновение ока из хорошо пригнанных деревянных брусьев, он был украшен развевающимися лентами и гирляндами бубенцов.

Сбоку от помоста установили высокое кресло для главного жреца. Он торжественно обошел площадь, затем сел и хлопнул в ладоши. Взвыли флейты, и двое дюжих монахов с трудом вынесли из ворот храма большой сундук. Когда они откинули крышку, по толпе пронесся восхищенный шепот.

Все это время Конан внимательно прислушивался к разговорам горожан, а потому уже звал, что сейчас произойдет. Оказывается, раз в несколько дней, когда на то была воля божества, здесь, на площади, происходило состязание во славу Кубиры. Самый сильный из монахов вызывал на поединок любого из горожан или паломников. Их заклад не должен уступать закладу Кубиры. Если побеждал горожанин — ему доставался сундук с богатствами и благословление божества, а это сулило большую удачу во всех делах. Если выигрывал монах — то заклад горожанина доставался храму, но проигравший все равно был благословлен Кубирой за участие в поединке. Поэтому всегда находилось много желающих принять участие в состязании.

Вот и сейчас к помосту подошел коренастый крестьянин в холщовой одежде. Следом за ним двое юношей несли сундук с закладом. Его поставили рядом с монастырским сундуком и откинули крышку. Жрец с высоты своего кресла осмотрел содержимое и медленно кивнул.

Крестьянин сбросил одежду, на нем осталась лишь полоска материи вокруг бедер. Его умащенное маслом тело играло буграми огромных мышц.

Противником крестьянина был опытный воин. Видно, он участвовал не только в рукопашных боях — на его теле светлели рубцы, оставшиеся от ран, нанесенных мечом или секирой. Он был крепок и жилист и казался отлитым из темной бронзы.

Оба бойца подошли к жрецу и преклонили перед ним колени. Жрец поднялся, взял из рук служки небольшую чашу и окропил вином их головы, произнося молитву во славу Кубиры. Затем он громко благословил обоих и дал знак к началу состязания.

Бойцы поднялись на помост и стали медленно сходиться, как бы оценивая друг друга. Затем последовал молниеносный выпад воина — и вот они уже сцепились, пытаясь оттеснить друг друга к краю площадки. Толпа, до этого тихая и сдержанная, вдруг взорвалась криками:

— Мерван! Непобедимый Мерван одолевает! Славься, великий Мерван!

— Супанда! Держись, Супанда! Боги помогут тебе! Смелее, Супанда!

Конану тоже хотелось кричать и вопить вместе со всеми, он видел, что Дхавана не выдержал и тоже что-то выкрикивает, подбадривая Супанду. Помня о своей роли немого, киммериец замычал, впрочем, звуки эти больше походили на рычание раненого зверя. Люди, стоявшие рядом, с опаской косились на странного чужеземца и старались отойти подальше. Вскоре вокруг Конана образовалось пустое пространство. В гордом одиночестве он возвышался на своем коне прямо напротив кресла жреца, привлекая к себе всеобщее внимание.

Тем временем бой на помосте продолжался. Опытный воин теснил Супанду. Казалось, крестьянин вот-вот упадет с помоста. Но каждый раз гигант уворачивался, и противники вновь кружили друг против друга, готовясь к новой атаке.

Толпа явно желала удачи Супанде, бойцу, впервые вышедшему на храмовый помост. В Поталии сила ценилась не меньше богатства и удачи, поэтому его здесь хорошо знали. Он играючи носил тяжелые мешки с рисом, которые с трудом могли поднять пять здоровых мужчин. Но слава доблестного Мервана, уже давно не имевшего себе равных, заставила Супанду усомниться в своих силах. Однако желание выйти на поединок с прославленным бойцом и получить благословение Кубиры, а, может быть, и сундук, победило все сомнения — вот он и вышел на помост.

Бой длился уже довольно долго, но соперники ни в чем не уступали друг другу. Уже не один раз нога непобедимого Мервана касалась края помоста, но он упорно теснил противника к центру, стараясь удержаться и выискивая удобный момент для нападения. Но коварные приемы, столько раз приносившие Мервану победу, на этот раз ни к чему не приводили. Супанда почувствовал, что Мерван растерялся, неожиданно схватил его поперек туловища, и, несмотря на отчаянные попытки воина высвободиться, тяжелым шагом подошел к краю помоста. Несколько мгновений он подержал извивающегося и рычащего в бессильной ярости противника в воздухе и бросил его вниз. Мерван молниеносно, как кошка, вскочил на ноги и снова ринулся в бой, желая отплатить за свое унижение. Но главный жрец поднялся с кресла и поднял руку. Несколько опоясанных мечами монахов побежали к Мервану и увели его с площади.

Служки торжественно подвели победителя к жрецу. Там на него, еще тяжело дышащего после схватки, надели расшитые золотом одежды и трижды провели вокруг площади. Неутомимые музыканты раздували щеки,

но музыки не было слышно из-за восторженного рева толпы. Потом торжествующий победитель удалился, став обладателем богатства и благословения.

Помост исчез так же быстро, как и появился. Жрец поднялся с кресла и, ступая по золотым кирпичам, двинулся к монастырю. Вооруженные монахи плотной толпой проследовали за ним, и, натужно скрипя, ворота монастыря закрылись.

Толпа быстро редела. Расходясь по домам, горожане оживленно обсуждали состязание, радуясь победе молодого Супанды.

Вскоре на площади остались только Конан и Дхавана. Храм сиял белизной и блеском драгоценных камней, горели огни в золотых чашах, и ничто не напоминало о том, что совсем недавно здесь было так людно и шумно.

Путники стояли, не зная, куда теперь направиться. Для начала нужно было найти торговую площадь и разузнать о постоянных дворах. Конан тронул поводья, и конь не спеша двинулся к одной из улиц, огибавших монастырь. Ему казалось, что именно туда ушла большая часть толпы.

Вдруг в стене монастыря открылась небольшая дверь, и оттуда вышли два монаха в ярких одеждах, явно из свиты жреца. Они подошли к путникам. Один из них взял под уздцы коня, второй почтительно поклонился и протянул приглашение главного жреца. Им, как самым почетным гостям, предлагали погостить в монастыре. Конан посмотрел на монахов, пожал плечами и что-то промычал. Дхавана слез с коня, поклонился монахам и ответил:

— Мой брат и я — незнатные люди и недостойны такой чести. Но если вы не ошиблись и святой Ваджран действительно хочет оказать нам гостеприимство — мы с радостью и благодарностью последуем за вами.

И путники вошли в дверь сбоку от главных ворот.

Перед ними раскинулся большой монастырский двор с многочисленными постройками. Как и все дома в этом городе, они поражали своей красотой и гармонией. Крыши были украшены затейливыми водостоками, а у каждой двери сидели на страже каменные изваяния.

По двору взад-вперед носились служки: одни несли корзины с фруктами, другие выносили кувшины с вином из погреба, третья просто бежали неизвестно куда. Двоих служек приняли поводья из рук Конана и увезли коня в глубь двора, где виднелась конюшня. А потом гостей подвели к большому дому, где их встретил приветливый старец и, почтительно кланяясь, проводил в богатые покои. Вездесущие служки распахнули перед

ними дверь, и они оказались в сводчатой комнате с бассейном. Голубовато-зеленая вода маняще плескалась о край глубокой мраморной чаши.

Конан вопросительно посмотрел на Дхавану, но тот уже снимал одежду, собираясь искупаться. Конан последовал его примеру, и вскоре они оба с наслаждением погрузились в прохладную проточную воду.

Усталость долгого пути тут же исчезла, тело было легким, а мысли — ясными. Конан лежал в бассейне, с удовольствием ощущая движение водяных струй, и думал — с чего это им оказывают такие почести? Права была девушка, похоже, они действительно очень нужны жрецу, но зачем? Конан хотел спросить Дхавану, но, помня о том, что ему отведена роль немого, лишь замычал, вопросительно глядя на юношу. Судя по всему, Дхавана думал о том же, поэтому ответил сразу, как будто читал мысли друга:

— Сундари знала, что мы понадобимся жрецу — и вот мы здесь, в монастыре. Посмотрим, что будет дальше, может быть, найдем Критану...

Неся нарядные одежды, вошли служки. Конан смотрел и все не переставал удивляться, с какой стати жрец оказывает им такой прием.

В принесенных служками одеждах они стали похожи скорее на богатых горожан, чем на усталых запыленных путников. Конан хотел было надеть свой пояс с мечом и кинжалом, но обнаружил, что пояс на месте, а оружия — нет. Ему даже не понадобилось притворяться, чтобы издать гневный рык. Варвар стоял посреди зала, размахивая поясом, и яростно сверкал глазами, наводя ужас на служек.

Старый монах, порядком испугавшись, подошел к Дхаване и спросил, что случилось с его спутником, почему он так рычит, что его так разгневало. Надев поверх богатого платья холщовую суму, с которой Дхавана ни за что не согласился бы расстаться, как Конан с оружием, юноша сказал:

— Мой названный брат не может говорить, но я понимаю, что его рассердило. Он воин и со своим оружием не расстается ни днем, ни ночью. Он не понимает, почему вы унесли его меч, и хочет, чтобы его вернули.

Служки в замешательстве переглянулись, а старик покачал головой и сказал:

— Сегодня вы гости нашего монастыря. Здесь вам не угрожает опасность, поэтому оружие вам не нужно. Служители Кубиры опоясаны мечами, но это — их обет перед богом, а гости предстают перед главным жрецом без оружия.

— Перед главным жрецом?! — изумился Дхавана.— Кто мы такие, чтобы с нами разговаривал сам святой Важдран?

— Он так пожелал, значит, вы его увидите. А сейчас я отведу вас в трапезную.— И стариик предложил им следовать за ним.

Вслед за стариком Дхавана и Конан вошли в другую комнату. Здесь стоял огромный деревянный стол, за которым могло бы уместиться по крайней мере сорок человек.

Дхавана поклонился и сказал старику, что они пришли из деревни, жители которой от рождения не едят мяса, поэтому даже запах мясных кушаний им невыносим. Запах еды щекотал ноздри, и Конан с тоской подумал, что будет нелегко насытиться фруктами и сладостями.

Глядя на Конана, стиснувшего зубы и хмуро рассматривавшего богатый стол, можно было подумать, что он действительно с отвращением вдыхает запах жареной дичи.

Повинуясь взгляду старика, служки схватили блюда и скрылись за дверью. Тем временем гости уселись за стол и наполнили кубки вином, намереваясь подкрепиться свежим монастырским хлебом и ароматным сыром. Но в это время дверь распахнулась, и внесли кушанья, запах которых будоражил аппетит не меньше, чем аромат хорошо поджаренного мяса. Поистине, эти монахи знали толк в еде! Чего только не было приготовлено из фруктов, овощей, молока и творога! Конан и Дхавана не скоро смогли оторваться от обильного угощения, а когда, наконец, служки унесли последнее блюдо, гостей торжественно пригласили в покой главного жреца.

Они долго шли по длинным коридорам, минуя просторные, роскошные залы, пока не остановились перед черной эбеновой дверью. Она неслышно распахнулась, и гости оказались в просторной комнате с высокими окнами. Солнечный свет делал узоры роскошных ковров ярче, отражался бликами от полированного камня колонн, разделявших стены на равные промежутки. С высокого потолка на толстых цепях свисал огромный золотой обруч с многочисленными светильниками и изящными коваными подвесками.

В глубине комнаты на возвышении сидел сам жрец, святой Ваджран. В богатом парчовом одеянии и шапочке, усеянной драгоценными камнями, он мог служить земным воплощением Кубиры — такая сила и властность исходили от него, так пронзительно глядели горящие черные глаза.

Жрец внимательно рассматривал вошедших. Он ничем не выдавал своих чувств, но облик варвара поразил его еще во время утренней церемонии, а сейчас ошеломляющее впечатление от этой дикой силы и могущества лишь усилилось.

Конан стоял перед жрецом, смело глядя ему прямо в глаза. Его черные,

еще влажные после купания волосы падали неровными прядями на лоб и плечи, подчеркивая суровость смуглого лица и решительно сжатых губ. Наброшенная на могучие плечи шкура огромного тигра делала его похожим на посетившее вендинские земли божество далеких северных стран, о которых здесь немало слышали от купцов и паломников.

Этим мощным, покрытым многочисленными шрамами рукам явно не хватало меча, а ноги, казалось, могли неутомимо нести своего хозяина по всему свету — так сильны и пропорциональны они были.

Конан чувствовал, что жрец рассматривает его, как породистого жеребца, и гнев засверкал в его синих глазах, ноздри затрепетали, руки невольно сжались в кулаки — он мгновенно стал похож на тигра, готового к прыжке.

Жрец, привыкший к покорным и восхищенным взглядом паломников, невольно отшатнулся, прижавшись спиной к резному дереву высокого кресла, и подумал: «Как хорошо, что у этого чужеземца отобрали меч!» Однако он величественным жестом указал паломникам место возле себя, и те подошли ближе, Дхавана — глядя восхищено и почтительно, Конан — не отводя горящих гневных глаз.

Появились служки и рядом с возвышением поставили низкие кресла. Гости сели, и жрец не спеша стал расспрашивать, откуда они пришли и что хотят попросить у Кубиры.

Отвечал один Дхавана, хотя жрец спрашивал обоих. Не дождавшись ответа от Конана, жрец удивленно спросил у Дхаваны:

— Почему твой спутник все время молчит? Ты называешь его братом, но ведь он северянин и, наверное, не знает нашего языка?

— Да, о святой Ваджран, он северянин, но я не знаю, откуда он и что забросило его в наши края. А братом я называю этого человека потому, что я спас его от смерти, и теперь мы не можем жить друг без друга. Он умрет в разлуке со мной, а я — в разлуке с ним.

— Расскажи, Дхавана, что случилось и как ты спас ему жизнь?

— Это было год назад, вскоре после того, как я лишился своего родного брата. Однажды утром мы услышали доносившийся с улицы шум, крики, лай собак, и отец послал меня узнать, что случилось. Я выбежал из дома и увидел, что навстречу мне, шатаясь, идет огромный человек. Он стонал при каждом шаге и обеими руками опирался на свой меч, как на посох. Кровь ручейками текла из его ран, оставляя на дороге красную полосу. Глаза его, казалось, ничего не видели, великан шел, сам не зная куда. Увидев меня, он открыл рот, силясь что-то сказать — и не мог. Сделав еще один шаг, он схватился за мое плечо и упал, увлекая меня за собой.

Когда я поднялся, он лежал на земле, как мертвый. Соседи с ужасом смотрели на него, не смея подойти ближе, а женщины плакали.

Вдруг из дома выбежала моя сестра. Она наклонилась над воином и положила руку ему на голову. «Он жив! — воскликнула она. — Несите его поскорей к нам в дом!» Несколько мужчин с трудом подняли раненого и понесли его к дому. Меч великана волочился по земле. Его рука так крепко стиснула рукоять, что ее было не разжать. Так, с мечом в руке, его уложили на ложе моего брата...

Моя сестра Сундари с детства владеет чудесным даром — она может исцелить любую болезнь, залечить любую рану. Она знает секреты всех целебных трав. Вот и тогда она сделала отвар и промыла все раны незнакомца. Тот открыл глаза, рука, сжимавшая меч, разжалась, и он вновь коснулся моего плеча, силясь что-то сказать. Потом он уснул и спал до следующего утра. Все это время я не отходил от него и промывал раны отваром, который приготовила сестра. Он был страшно изранен, и временами нам казалось, что никакие целебные травы не вернут его к жизни — но он победил смерть, как победил своих врагов.

Целый месяц я не отходил от него, как от малого ребенка, и моя скорбь об умершем брате уступила место любви к спасенному незнакомцу.

Дхавана замолчал, и Конан увидел, что слезы текут по его щекам. Юноша вновь вспомнил Критану, сгинувшего где-то здесь, в этом монастыре.

— Так, значит, этот воин был немой? — спросил жрец, заинтересовавшись рассказом Дхаваны.

— Он потерял способность говорить от ужасных ран. Он все время пытался что-то сказать и сердился, когда не мог этого сделать. Наш язык он понимал, и я смог его кое о чем расспросить. Он кивал, отвечая «да», и качал головой, отвечая «нет». Так я узнал, что он северянин и что в наших краях он искал своего старого врага. Его друзья погибли, он сам едва остался жив, но сумел отомстить.

Когда он стал поправляться и начал понемногу ходить, он везде старался следовать за мной. Я рассказал ему, что очень тоскую о брате, а он знаками объяснил, что навсегда останется со мной. Отец и мать полюбили его как сына и дали ему новое имя — Сегир.

— Скажи мне, Дхавана, почему ты и твой названный брат не притронулись к кушаньям из дичи?

Жрец, внимательно слушавший рассказ молодого ткача, как видно, хотел узнать о своих гостях как можно больше.

— Я — ткач, о святой Ваджран, и все жители нашей деревни — тоже

ткачи. Рагни, первый мастер, поселившийся на этом месте, пообещал богине ткачества Лури не есть мяса, и все его потомки свято соблюдают этот обет. Кто нарушает его, тот теряет способность ткать золотую парчу, достойную украсить троны царей, и вскоре умирает.

— Золотую парчу? Но ведь многие мастера могут ее ткать, и не воздерживаясь от мясной пищи!

— Золотая парча, сотканная нашими мастерами, сияет, как солнце. Золотые нити не тускнеют, а с годами становятся еще ярче. Узоры, вытканные на ткани, как талисманы, охраняют того, кто ей владеет, от злобы и зависти врагов. Когда был жив мой брат, мы с ним могли соткать такую парчу, но теперь, когда я подхожу к станку, тоска сжимает мне грудь, и я не могу работать. Только Сегир приносит мне утешение, если бы не он, я бы тоже умер...

Конан сидел, опустив голову, и сквозь густые пряди своих волос исподтишка разглядывал главного жреца. Тот был настолько поглощен рассказом Дхаванны, что лицо его совершенно утратило величественное выражение. Глядя на ткача горящими алчными глазами, он напрягся, как хищник, почувствовав добычу. Конан всей кожей чувствовал опасность и, поражаясь этой перемене, не спускал с него глаз. А Дхавана между тем продолжал свой правдивый рассказ:

— И Сегир так же, как и все жители нашей деревни, отказался от мяса, хоть и не ткал парчу. А когда мне во сне явилась богиня Лури и велела посетить храм Кубиры в Потали, чтобы вернуть мое мастерство, он дал мне понять, что не расстанется со мной даже на час, и мы отправились вместе.

Жрец перевел взгляд на Конана, тот по-прежнему сидел, опустив голову. Не подозревая, что острые глаза киммерийца наблюдают за ним, жрец жадно разглядывал его мощную фигуру и спросил Дхавану, показывая на шкуру тигра:

— А этого зверя он убил?

— Да, о святой Ваджран, это случилось два дня назад, по пути в Потали. Если бы не он, меня бы уже не было в живых...

— Неужели он один справился с тигром?! Ведь это сам Шанги, демон, проклятие джунглей! Многие пытались его убить, но никто не вернулся живым! Сегир один сделал это?! — Высокомерие напрочь слетело с лица святого Ваджрана, и теперь даже Дхавана смотрел на него с удивлением и опаской. Опомнившись, жрец откинулся на спинку кресла, снова принял величественную позу, опустил веки, унимая зловещий блеск в глазах, и продолжал: — Значит, ты хочешь вернуть свое мастерство? Я совершу

молитву, и Кубира тебе поможет. Но ты должен будешь принести богатую жертву... И брат твой по моей молитве обретет дар речи — но ему придется послужить во славу Кубиры... Вы согласны?

Конан поднял глаза и, притворяясь изумленным, встал. Дхавана тоже вскочил в притворной радости:

— Я вытку царское покрывало для храма! О, святой Ваджран! Я уже сейчас чувствую дрожь в руках и огонь в крови, как перед удачной работой! Но, чтобы соткать парчу, мне нужен искусный помощник. Лишь вдвоем можно выткать чудесное покрывало!

— У нас в монастыре много искусных умельцев, и ткачи среди них тоже есть. Взгляни на мое одеяние. Мастер, соткавший эту ткань, подойдет?

Жрец подозвал Дхавану поближе к возвышению. Тот подошел, взгляделся в парчу и попытался что-то сказать. Язык явно не слушался его, но, заметив удивленный взгляд жреца, Дхавяна справился с волнением и сказал:

— Прости, о великий! Взглянув на эту прекрасную парчу, я вспомнил брата... Да, я буду рад такому помощнику! Во славу Кубиры я за месяц сотку такое покрывало, какого еще не было ни у одного царя!

Услышав это, Ваджран остался очень доволен. Он хлопнул в ладоши, и четверо монахов тут же появились на пороге.

— Вам покажут место, где вы будете жить и работать. А что потребуется от твоего спутника — узнаете завтра.

Жрец встал и величественно удалился в боковую дверь, а монахи, больше похожие на стражников, повели Конана и Дхавану обратно, по тем же коридорам и переходам. Не останавливаясь, они миновали трапезную и комнату с мраморным бассейном и вышли во двор. День уже клонился к вечеру. Закончив все дела, служки, как видно, молились в своих кельях — лишь несколько монахов охраняли входные ворота и еще какую-то невзрачную дверь небольшой постройки, похожей на винный погреб. Конан подумал, что монахи не дураки и знают, что охранять, но очень удивился, когда их подвели как раз к этой двери.

Когда дверь за ними со стуком захлопнулась, Конан почувствовал себя попавшим в капкан зверем. Его ногти впились в ладони, и он с трудом сдержался, чтобы не расшвырять стоявших рядом монахов и не вырваться на волю. Дхавана, тоже чувствуя себя неважно, настороженно озирался по сторонам, не понимая, что все это значит.

Один из монахов прошел вперед и, ухмыляясь, предложил им следовать дальше. Прямо напротив двери темнел проем, и широкие

каменные ступени вели вниз, в глубину подземелья. Спускаясь по ступеням вслед за монахом, Конан пытался понять, зачем жрец заманил их в эту нору и как теперь отсюда выбраться.

Они спустились в довольно просторное подземное помещение, где дежурили еще десятка полтора вооруженных монахов. Стало ясно, что это подземная тюрьма. Но при чем здесь бог Кубира?! Все это было так не похоже на роскошь и богатство, оставшиеся наверху, что Конан и Дхавана ничего не могли понять.

Монах, шедший впереди, что-то сказал стражникам, и двое из них быстро скрылись в одном из многочисленных коридоров, расходившихся во все стороны из подземного зала. Остальные с интересом разглядывали пленников, особенно Конана, метавшего яростные взгляды. Казалось, он сейчас бросится на них, подобно тигру, шкура которого покрывала его плечи. Стражники невольно попятались к стенам, а некоторые даже вынули мечи из ножен.

Конан понимал, что они с Дхаваной близки к разгадке тайны монастыря, и ярость его была отчасти наигранной. Он мало чего боялся. Просто ему хотелось подразнить стражников и нагнать на них страх. Он скжал кулаки, напрягся и зарычал, как раненый зверь. Рев, усиленный каменным сводом, обрушился на стражников, как гром небесный, и эти видавшие виды воины невольно растерялись. Конан подумал, что ему ничего не стоит выхватить меч у одного из них и разделаться со всей этой сворой, но он помнил, что не для этого полез в это осиное гнездо и что самое трудное еще впереди.

Внезапно, как бы потеряв к стражникам всякий интерес, он расслабился, опустил руки и повернулся к Дхаване, который смотрел на него с неменьшим изумлением, чем стражники.

В этот момент раздались гулкие шаги, и двое монахов, уходивших куда-то, вернулись и дали знак пленникам следовать за ними. Конан и Дхавана неохотно пошли в темноту коридора, а сзади послышался топот множества ног — опасаясь ярости бешеного пленника, их сопровождал весь караул.

Широкий, тускло освещенный коридор привел их в следующий подземный зал. Они миновали его, не останавливаясь. Здесь, под присмотром все тех же вооруженных монахов, изможденные люди в жалких лохмотьях варили в огромных котлах похлебку. Котлов было много. Сколько же пленников томилось в этих страшных подземельях?!

Проходя мимо одного из котлов, Конан, как бы невзначай, заглянул в него — и невольно отшатнулся. То, что он увидел, сразу сделало понятным

слова пророчества — не есть мясо в стенах монастыря. В огромном кotle, кипя и бурля, варились куски человеческого тела — во всяком случае, руки киммериец разглядел совершенно ясно. Так вот, значит, что приходится есть пленникам бога Кубиры! Ярость горячей волной забилась в мозгу, желание разрушить это прибежище черных сил было таким сильным, что Конан едва сдержался, до боли стиснув зубы и сжав кулаки.

И вновь они свернули в широкий коридор, куда выходило множество дверей, сколоченных из толстых деревянных брусьев, окованных железом. У одной из них стражники остановились, послышался лязг открываемого замка, и дверь распахнулась. Окружив пленников плотным кольцом, стражники затолкали их внутрь, и дверь с грохотом захлопнулась.

Глава четвертая

Конан и Дхавана очутились в довольно просторном помещении, посреди которого стоял большой ткацкий станок.

На стенах были укреплены кованые светильники, трепещущие языки пламени ярко освещали пещеру. В дальнем углу лежали видавшие виды тюфяки, там же стоял грубо сколоченный стол, а рядом — три колченогих табурета.

Всмогревшись, они заметили скорчившегося на одном из тюфяков человека. Он лежал неподвижно, как мертвый.

Осторожно приблизившись, Дхавана повернул лежавшего и заглянул ему в лицо. Сдавленный крик замер у него на губах, он упал на колени и принялся растирать руки и ноги полуживого пленника.

Конан подошел и присел на корточки рядом с Дхаваной. То, что он увидел, потрясло даже его, а ведь он повидал немало! На тощем соломенном тюфяке лежал превратившийся в обтянутый кожей скелет Дхавана. Огромные глаза медленно открылись и глядели на них, не мигая. Губы, сухие и потрескавшиеся, шевелились, не в силах произнести ни звука.

Дхавана вскочил и бросился искать воду — но воды не было, и тогда он в отчаянии стал колотить в дверь. Гулкие удары разносились по всему подземелью, но к двери никто не подошел.

Опомнившись, Дхавана перестал стучать и подошел к столу. Он быстро снял с себя суму и достал из-под рубахи чудесный пояс. Бережно положив его рядом с Кританой — а это был именно он, Конан в этом уже не сомневался,— Дхавана стал тихонько гладить пальцами его золотые узоры.

В камере было тихо, слышались только хриплое дыхание Кританы и потрескивание фитилей в светильниках. Конан поднял глаза и тут же вскочил на ноги. Дхавана обернулся, и не смог сдержать радостного возгласа — на столе стоял большой кувшин, три глиняные кружки, корзина с фруктами, хлебом и сыром.

За их спинами раздался протяжный стон — приподнявшись на локте, Критана протягивал руку к столу, не отводя от пищи безумных глаз. Дхавана поскорее схватил кувшин, чтобы налить брату воды, но в кружку полилось вино. Давясь и всхлипывая, как ребенок, бедный узник выпил его

и вновь без сил упал на тюфяк. Но вскоре вино оказалось свое действие, он смог подняться и с трудом подойти к столу.

Дхавана следил, чтобы бедняга не съел слишком много — он знал, что истощенному человеку нельзя сразу наедаться, иначе он может тут же умереть в ужасных мучениях. Вскоре он отнес уснувшего прямо за столом брата обратно на тюфяк.

Светильники с шипением гасли один за другим, должно быть, в них кончалось масло. Конан и Дхавана поспешили поели и едва успели допить вино, как подземелье погрузилось в темноту. Когда кувшин и корзина опустели, они же исчезли, будто их тут никогда и не было.

Они на ощупь добрались до тюфяков. Дхавана надел волшебный пояс, лег рядом с братом и вскоре тоже уснул, измученный всеми событиями этого бурного дня.

Конан лежал на спине, положив руки под голову, и смотрел в темноту широко открытыми глазами. Перед ним вставал храм Кубиры: сияющие рубины и сапфиры, золотые кирпичи, складывающиеся в заманчивые груды. Он представлял, как придет его час и он разделается с главным жрецом и его слугами и сам вознаградит себя за труды. Здесь добыча обещала быть не хуже, а, может, и получше, чем в Рубиновом Городе. Если это дельце выгорит — незачем будет опять тащиться через опостылевшие джунгли, задыхаясь от липкой жары и рискуя превратиться в обезьяну.

А Дхавана! Каков плут! Врет не хуже, чем когда-то врал Витара! Ох уж эти вендинцы — действительно мастера на все руки! Как он плел этому Ваджрану, ведь даже он, Конан, в какой-то момент почувствовал себя тем самым израненным воином — хотя, если говорить по правде, так оно и было. Дхавана в самом деле спас его от смерти, и теперь они — почти братья. Так что приврал он, в общем, самую малость, но приврал хорошо! Ведь жрец чуть с кресла не вскочил, слушая его байки... А какое у него сделалось лицо! Интересно, что же ему надо от него, Конана? Завтра все будет ясно... Завтра... С этими мыслями Конан закрыл глаза и тут же уснул.

Их разбудил лязг отпираемой двери. Несколько стражников вошли в темницу, при свете факелов наполнили маслом светильники и зажгли фитили — началось первое утро их заточения. На столе появился кувшин с водой и блюдо с какой-то едой. Узники сидели на тюфяках, пока монахи молча делали свое дело. Последними вошли двое служек с большой корзиной, наполненной мотками разноцветного шелка.

Так и не взглянув на пленников, стражники молча удалились, с грохотом заперев дверь. Лишь теперь Конан посмотрел на братьев. Они

сидели рядом, не сводя глаз друг с друга. Дхавана смотрел на Критану с болью и жалостью, а Критана — с радостным изумлением и испугом. Наконец он смог заговорить:

— Брат! Ты здесь! Зачем, о, зачем ты пришел сюда?! Ты погибнешь, как и все мы! Отсюда никто не выходит живым! О боги, из-за меня умрешь и ты! Горе мне, горе! — Он в отчаянии закрыл лицо руками, не в силах сдержать слезы, ручьями катившиеся по впалым щекам.

Дхавана, нежно поглаживая брата по плечу, отвечал:

— Мы не погибнем! Мы пришли за тобой и скоро вместе выйдем из этого ада! Взгляни — этот могучий воин пришел со мной, чтобы помочь тебе!

Критана, до сих пор не сводивший глаз с Дхаваны, взглянул на Конана и грустно покачал головой:

— Здесь, в этих каменных мешках, даже он бессилен. Посмотри на меня — тут все превращаются в бесплотные тени. Мы живем лишь до тех пор, пока можем работать и создавать прекрасные вещи. Кто теряет надежду, отчаивается, опускает руки — тот попадает туда... в котлы... — Критана хотел продолжать, но не смог, и Дхавана опять ласково погладил его руки. Конан придинулся поближе и сказал:

— Я знаю, что варится в этих котлах. Можешь не говорить. Дхавана, ты, наверное, тоже догадался, что это за похлебка. — После долгого молчания Конан почувствовал, что голос плохо слушается его, и вновь замолчал.

Дхавана спросил:

— Значит, вас заставляют есть это варево?!

— Многие из нас уже не замечают этого, они живут лишь своим ремеслом — оно здесь заменяет и свет, и жизнь. Но я не смог есть это мясо, а теми крохами хлеба, что нам достаются, жив не будешь. Поэтому, брат, ты опоздал. Я знаю, что скоро умру...

— А ты помнишь, что было вчера вечером, когда мы только что встретились? Разве я не накормил тебя?

— Я думал, что это мне приснилось — вино, мягкий хлеб, сыр... Неужели это было наяву?! Откуда? Разве Ваджран сжались над нами?

При этих словах Конан зло рассмеялся:

— Нет, это чудовище не способно на жалость. Но мы ему, похоже, очень нужны. Посмотрим, что нам тут оставили. — Он подошел к столу, взял блюдо и принес его на тюфяк: — Смотрите-ка, совсем неплохо! Хлеб, похлебка из овощей, рис. На троих, правда, маловато, но, по-моему, мы не пропадем!.

Пока Конан говорил, Дхавана тревожно посматривал на дверь. Наконец он не выдержал и тихо сказал:

— Критана, запомни: этого воина зовут Сегир, он — мой названный брат. От ран он потерял дар речи, поэтому для всех, кроме нас, он немой. Я тебя не знаю, ты мне нужен как помощник, чтобы соткать чудесное покрывало из золотой парчи. Так сказала Сундари — а значит, так велели боги! Не волнуйся и ничему не удивляйся! А сейчас —тише!

Они замолчали и, настороженно прислушиваясь, стали быстро есть рис. Дхавана не ошибся: раздался скрежет ключа в замке, дверь распахнулась, и стражники вошли в подземелье. Они. почтительно расступились, и перед узниками предстал сам святой Ваджран, но на этот раз его лицо не облагораживала притворная маска величия. Горящие глаза смотрели жестко и жадно, губы кривились в торжествующей улыбке:

— Бог Кубира избрал вас для служения! Радуйтесь, ибо это удел лучших из лучших, удел поистине избранных! Отныне ваша жизнь посвящена богу, после смерти вы попадете в его небесную свиту и обретете блаженство! Здесь вас никто не будет отвлекать от служения, а через месяц я желаю видеть золотое покрывало, которое ты, ткач, поклялся выткать во славу Кубиры! Иначе... Иначе твой названный брат, этот храбрый воин, будет убит у тебя на глазах, а после этого и самого тебя ждет мучительная смерть... Если же покрывало и впрямь будет таким, как ты обещал, получишь право соткать еще одно, а потом и еще... — Жрец подошел к Конану, за его спиной стояли стражники с обнаженными мечами.— Сегир, твое служение богу будет самым почетным! Кубира желает, чтобы ты ежедневно сражался в поединке на площади и побеждал. Понял, воин? Первое же поражение будет стоить жизни твоему брату, а второе — тебе самому! Такова воля бога! Милость его безгранична! Чтобы твоя сила, чужеземец, не оскудела, я велю присыпать вам еду со своего стола. Но помни — до первого поражения! Завтра же ты выйдешь на помост и победишь! — Жрец вонзил острый взгляд в глаза Конана, но, схлестнувшись с голубым огнем, черная сталь не выдержала, и Ваджран отвел глаза. Потом он так же властно взглянул на Дхавану и сказал: — Я дал тебе в помощники лучшего мастера. Через неделю я приду снова, и берегись, если работа мне не понравится! Спроси у него, как умирают неугодные богу! — Жрец пренебрежительно махнул рукой в сторону Кританы, повернулся и медленно вышел.

Когда последний стражник захлопнул за собой дверь и они снова остались одни, Конан дал волю своему гневу. Он метался по подземелью как разъяренный зверь. Больше всего ему сейчас хотелось одним взмахом

меча отсечь этому мерзавцу голову и посмотреть, как она покатится по земле! От этой мысли он вдруг успокоился, уверовав, что именно так и будет. Он снова присел на тюфяк рядом с братьями и стал слушать, как Дхавана рассказывает об их встрече у реки, о битве с тигром, о волшебном поясе и пророчестве Сундари. Критана слушал с горящими глазами, на его землисто-серых щеках приступил лихорадочный румянец. Надежда придала ему сил, и когда Дхавана закончил свой рассказ, он даже стал помогать ему натягивать на станок нити основы для будущего покрывала.

Днем им опять принесли пищу. Жрец сдержал свое слово: на этот раз на столе появился кувшин легкого вина, огромное блюдо с рисом, приправленным ароматными специями, несколько свежих лепешек и небольшой круг овечьего сыра. Уходя, стражник сказал Конану:

— Завтра поутру будь готов, за тобой придут. Святой Ваджран велел тебе напомнить: твоя жизнь — в твоих руках! А сейчас ешь и не очень раскармливай этих бездельников! — Посмотрев на братьев, он ухмыльнулся и запер дверь.

Критана изумленно глядел на стол, заставленный кушаньями, о существовании которых он уже давно забыл. Монахи держали своих пленников в постоянном страхе смерти. Лишний кусок хлеба был для несчастных узников богатой наградой. И теперь Критана не мог поверить, что Ваджран, чье имя проклинали сотни узников, вдруг расщедрился на такое богатое угощение. Однако Критана тут же вспомнил, что жрец требовал от этого могучего воина побеждать во имя Кубиры, а для этого нужно было сохранить пленнику силы. И юноша еще раз вознес благодарственную молитву богам за предсказание, благодаря которому они оказались вместе, в одной пещере.

Весь день братья работали: подготавливали станок, натягивали нити, сортировали мотки шелка. Конан сидел на полу, прислонившись к шершавой каменной стене, и наблюдал за их быстрыми уверенными движениями. Критана быстро уставал и часто присаживался отдохнуть и подкрепить силы глотком вина. К вечеру все было готово, чтобы начать работу, и когда светильники один за другим стали гаснуть, все трое уже спали на тощих тюремных тюфяках.

Глава пятая

Утром, вскоре после того, как пленникам принесли еду, засовы снова загремели, в пещеру вошли стражники и велели Конану следовать за ними. Они шли теми же коридорами, миновали пещеру, где варились страшная похлебка, и поднялись наверх.

После темного подземелья яркий солнечный свет ослепил Конана, и он невольно закрыл глаза. Но монахи поторапливали его, подталкивая в спину. Пройдя через двор, они очутились в уже знакомом Конану зале с мраморным бассейном. Там ему велели раздеться и искупаться.

После этого он попал в руки проворных служек — один расчесывал ему спутанные волосы, другие умазали его тело благовонным маслом, растирали и разминали затекшие за ночь мышцы.

Кровь горячими толчками разлилась по телу, в варваре проснулось дремавшее до сих пор ощущение собственной силы. Кубок терпкого, настоянного на травах вина, казалось, удесятерил это чувство.

Напротив Конана в окружении свиты стоял главный жрец и осматривал его оценивающим взглядом — ему явно нравилось владеть этой необузданной силой и управлять ею по своему желанию. Он велел принести кресло, сел и, испытующе глядя в глаза киммерийцу, которого усадили на низкий табурет, спросил:

— Ты хорошо понял, что от тебя требуется, Сегир?

Конан кивнул, не сводя с Ваджрана мрачного взгляда. Он был совершенно спокоен, но умело изображал с трудом сдерживаемую ярость. Наслаждаясь своей властью над жизнью и смертью могучего пленника, жрец продолжал:

— Сейчас ты превратишься в верного слугу Кубиры, пройдешь в моей свите в храм и будешь вместе с посвященными участвовать в жертвоприношении и молитве. Потом выйдешь на площадь и, когда служки возведут помост, встанешь справа от меня. Потом вместе с твоим противником — а желающих участвовать в поединке всегда хватает — ты преклонишь передо мной колени и получишь благословение. Победа достанется тому, кто сбросит своего противника с помоста. Ты ни в коем случае не должен его убивать, иначе народ растерзает тебя, прежде чем я прикажу отрубить тебе голову! Богу нужны богатства, а не смерти почтенных горожан! Понял ли ты меня, воин, ибо я вижу ярость в твоих

глазах и боюсь, что ты не сумеешь ее сдержать!

Жрец впился в глаза Конана пронзительным взглядом, но варвар с достоинством выдержан был его и, стиснув зубы, кивнул. Жрец встал и величественно направился к выходу. Окруженный толпой вооруженных монахов, Конан пошел сзади.

У ворот, ведущих на площадь, уже стояли храмовые музыканты, готовые затрубить в трубы и забить в барабаны на радость горожанам и паломникам, пришедшим к храму почтить своего бога.

Ворота распахнулись, грянула дикая музыка, служки быстро выложили дорожку Из золотых кирпичей, и жрец неторопливо двинулся к храму.

Конан шел сзади. Со всех сторон его окружали вооруженные монахи, готовые в любой момент выхватить мечи и зарубить непокорного. Однако горожанам, пришедшим на площадь, чтобы получить благословение жреца и поглязеть на бой, эта грозная свита казалась очень торжественной. Появление в свите нового могучего воина не осталось незамеченным: нарядные горожане возбужденно перешептывались и показывали на Конана пальцами.

Процессия подошла к храму, жрец вошел внутрь и ворота закрылись. Конан оказался в святилище бога, чьим именем здесь, на земле, творились такие страшные дела.

Если снаружи храм был похож на сияющее белое облако, то внутри, освещенный множеством горящих в золотых плошках огней, он поражал воображение загадочным сиянием драгоценных камней, украшавших стройные колонны.

На стенах были выложены картины из яшмы, бирюзы и агата. Дневной свет, пробивавшийся сквозь узкие оконца под куполом, подчеркивал величие храма, в котором люди казались ничтожными букашками.

С огромного пьедестала из кроваво-красного камня на вошедших визирало колоссальное изваяние сидящего бога. Его руки сжимали цветок и жезл. Голова статуи была немного наклонена вперед, и, казалось, бог всматривался в крохотные фигурки людей, копошившихся у его ног.

Отблески пламени играли на его бронзовом лице, и оно неуловимо меняло выражение — от безмятежно спокойного до свирепо алчного.

Ваджран подошел к жертвеннику, стоявшему напротив фигуры бога, и воздел руки к небу. Монахи запели славословие Кубире, и их голоса, усиленные сводом храма, мощно вознеслись к куполу. Каждый из несших жертвенные сосуды подходил к алтарю и торжественно выливал их содержимое в огромную чашу.

Когда золотой сосуд наполнился, воцарилась тишина, жрец преклонил

колени и стал громко молиться. Конан заметил, что над чашей поднялось легкое облачко, в котором мелькали разноцветные искры. Облачко становилось все больше, пока, наконец, не скрыло от глаз бронзовую статую бога. Жрец распростерся на полу, в конвульсиях выкрикивая слова молитвы или заклинания. Когда, обессилев, он замолчал, облако стало медленно рассеиваться.

Конан невольно вскрикнул, попятился и хотел было выхватить несуществующий меч: статуя повернула голову и смотрела прямо на него, протягивая к нему правую руку, в которой был зажат жезл. Огромная чаша, только что наполненная до краев молоком, медом и кровью, опустела.

Конан не заметил, когда все монахи опустились на колени. Жрец поднял голову и медленно встал. Вновь раздалось протяжное пение, изредка прерываемое резкими возгласами жреца.

Наконец, последний раз поклонившись Кубире, Ваджран подошел к Конану. Монахи силой заставили варвара встать на колени, и жрец объявил киммерийца избранным воином божества. Затем процессия, направилась к выходу, у которого уже стояли двое монахов с огромным сундуком.

Ворота храма распахнулись, и процессия вышла на площадь, где ее ждала притихшая толпа. Жрец дал знак, что поединок состоится, и в предвкушении любимого зрелища люди стали подниматься с колен.

На этот раз выйти на бой во имя Кубиры пожелал приезжий купец. У себя на родине он, наверное, участвовал во многих схватках — во всех его движениях чувствовалась недюжинная сила, а обрамленное крутыми кольцами черных волос лицо было суровым и решительным.

Слуги выставили перед жрецом заклад, заставивший его глаза вспыхнуть алчным огнем,— в огромном, переливающемся драгоценными камнями резном сундуке лежали отрезы бесценного шелка, сверкали ожерелья, стояли изящные каменные сосуды с благовониями. Жрец без колебаний принял заклад, а Конан вышел вперед и встал рядом с противником.

Они сбросили одежду, подошли к жрецу и получили его благословение. Поднимая голову, Конан наткнулся взглядом на горящие глаза, смотревшие на него из-за спины жреца. Он сразу узнал монаха с исеченным шрамами лицом — это был «непобедимый Мерван». Тот, кого сбросил с помоста дюжий Супанда и кого теперь заменил он, Конан. Этот полный ненависти взгляд и коварная улыбка, чуть раздвинувшая тонкие губы, сказали Конану, что у него появился настоящий враг, враг, которого ревность и жажда мести ни перед чем не остановят.

Опасность подхлестнула киммерийца, он подошел к помосту, как

приготовившаяся к прыжку пантера. Судьба подарила ему достойного противника, и он с удовольствием вышел на поединок.

Противники кружили по помосту, то сходясь в попытках вытеснить друг друга, то расходясь для новой атаки. Толпа ревела и бесновалась, выкрикивая их имена. Со всех сторон раздавалось:

— Сегир! Сегир, во имя Кубиры! Победивший тигра — победит любого!

— Дамруд! Доблестный Дамруд! Не уступай! Дамруд, во имя удачи!

Дамруд, сильный, отважный воин, во многом не уступал Конану, но, обладая слишком горячим нравом, попытался добиться победы с первых же бросков. Когда это ему не удалось, он пришел в ярость и стал совершать промах за промахом.

Теперь, когда, растеряв запас хладнокровия, противник наскакивал на него, как разъяренный бык, Конан играл с ним, как кошка с мышью, умудряясь даже краем глаза взглянуть на главного жреца, за спиной которого, напрягшись, как тетива, и сжав рукоять меча, стоял бывший непобедимый боец, а теперь простой служитель.

Ненависть свела судорогой его лицо, превратив в жуткую устрашающую маску. Да, с этим врагом ему явно предстоит побороться... А сейчас пора кончать поединок, его противник уже совсем ослеп от ярости, и с ним можно проделать все что угодно. Молниеносно уворачиваясь и изредка подталкивая разъяренного Дамруда, Конан привел его в бешенство, и, когда тот, забыв о правилах состязания, бросился на киммерийца, намереваясь мощным ударом свалить его с ног, варвар резко увернулся и подставил ногу. Рыча от ярости, Дамруд потерял равновесие и вылетел с помоста. Он пару раз перекувырнулся на земле, и, ошеломленный, встал на четвереньки, ища взглядом противника, чтобы снова кинуться в бой. Но монахи уже окружили побежденного, не позволяя ему вернуться на помост.

Народ на площади разразился приветственными криками. Конан сошел с помоста и направился к креслу жреца. На него, как прежде на Мервана, тут же надели богатые одежды и накинули на плечи тигровую шкуру. Теперь его будут звать «непобедимый Сегир» и «победивший тигра». Монахи, словно поздравляя Конана с победой, окружили его плотным кольцом и повели к монастырю, не забыв прихватить и оба сундука.

Воздев руки к небу, жрец призвал бога Кубиры даровать доблестному Дамруду удачу во всех делах и повесил ему на шею священный амулет, примиривший воина с поражением и потерей сундука. Толпа наградила

Дамруда не менее громкими криками восторга, чем победившего Сегира, и, проводив удалившегося в обитель жреца почтительным поклоном, стала медленно расходиться.

Сегир, сражавшийся во славу их любимого бога, произвел на горожан огромное впечатление. Еще вчера служки мастерски распространяли о нем слухи, подогревая всеобщее любопытство, но уже сегодня его победа, грозный вид, тигровая шкура и загадочная немота сделали Сегира настоящим героем.

Можно было не сомневаться, что завтра на площади соберется весь город, дабы увидеть того, кто в одиночку победил страшного тигра Шагни, который сожрал немало паломников, направлявшихся в Потали! А как ловко и хладнокровно он разделался с силачом Дамрудом! Да, сегодня горожанам было о чём поговорить!

А в это время тот, чье имя было у всех на устах, снимал богатые одежды, чтобы вновь облачиться в платье, полученное от жреца взамен изодранных тигром лохмотьев.

Его, заслужившего своей победой день жизни себе и своему спутнику, вновь отвели в подземелье, а в награду за удачный поединок дали лишь кувшин вина и блюдо риса с овощами.

* * *

Дхавана и Критана с нетерпением ждали возвращения Конана, гадая, кто же выиграет. Дхавана убеждал своего брата, что северянин непобедим, но Критана, разуверившийся во всем за этот год заточения, думал только о плохом.

Но вот дверь распахнулась, и монахи втолкнули в темницу Конана. Когда вслед за победителем внесли вино и еду, Критана воспрял духом и успокоился.

Стражники ушли. Киммериец устало сел за стол, налил кружку вина и залпом осушил ее. Потом вторую, третью. Кувшин опустел, и тут северянин заметил, какими глазами смотрит Критана на блюдо с рисом и на пустой сосуд. Конан пододвинул к нему еду, вылил в кружку последние капли вина и молча улегся на тюфяк.

Он закрыл глаза, и перед ним вновь возникла площадь, полная ликующего народа, и ненавидящий взгляд Мервана. Постепенно это

видение исчезло в зыбком тумане, и появилось другое — гигантская статуя Кубиры, глядящая на него слепыми бронзовыми глазами и протягивающая свой жезл.

Конан застонал, отгоняя кошмар, и вдруг почувствовал на своем плече чье-то легкое прикосновение. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним встревоженного Дхавану. Рука ткача скользнула под рубашку, и он вытащил оттуда драгоценный пояс. Положив его на тюфяк, юноша легонько погладил его кончиками пальцев и что-то прошептал.

Подошел Критана и присел рядом с братом на корточки. Было очень тихо, только чуть потрескивали фитили в светильниках. Но вот раздался негромкий женский голос. Конан повернулся, ожидая вновь увидеть прекрасную девушку, но, кроме них, в пещере никого не было. А голос продолжал что-то говорить, певуче и непонятно. Дхавана быстро заговорил на вендинском наречии:

— Злоба и зависть готовят воину смерть. Три раза смерть пройдет рядом — потом воин победит врага. Три дня — три угрозы, потом победа. Помни, воин: вода, вино, колодец. Вода, вино, колодец...

Голос девушки постепенно затих, умолк и Дхавана, глядя на Конана испуганными глазами. Помолчав немного, он спросил:

— Значит, кто-то хочет твоей смерти? Кто же? Ведь Ваджрану ты очень нужен... И кто может завидовать тебе?!

— Не мне, а моей славе. Помнишь, когда мы вошли в город и смотрели поединок, толпа кричала «непобедимый Мерван, непобедимый Мерван»? Так вот, сегодня он был готов сжечь меня взглядом. Не сомневаюсь, что твоя сестра говорила именно о нем. Ну, ладно, все это будет завтра, а сегодня...

Изумленный возглас Кританы не дал ему договорить. Критана стоял у стены и дрожащей рукой показывал на стол. Там, рядом с остатками ужина, стоял другой, гораздо больший кувшин, и почти весь стол был заставлен мисками с аппетитно пахнувшей едой и сочными фруктами.

— Сундари! Это Сундари не забывает о нас! Того, что принесли монахи, не хватило бы на троих — ведь тебе, Конан, нужно каждый день сражаться, а без еды ты быстро ослабеешь!

— Ты плохо ценя знаешь, друг Дхавана, но месяц на такой пище продержаться было бы и вправду трудно... Что там такое на столе? О, твоя сестра просто клад — смотрите, здесь даже дичь! — И они принялись опустошать миски, заливая кушанья превосходным вином.

Как только пленники насытились, все исчезло. Остались лишь кувшин и блюдо, принесенные стражниками. Конан лег на тюфяк и закрыл глаза.

Грозная статуя Кубиры уже не тревожила его покой, и он не заметил, как уснул.

Тихо постукивал ткацкий станок, негромко переговаривались братья, подбиравая шелк для изысканной каймы. К тому времени, когда Конан проснулся, они успели соткать большой кусок полотна, покрытый затейливыми узорами.

Поистине здесь, в тишине подземелий, среди мрака и ужаса, люди, месяцами не видевшие солнца, отчаявшиеся и не гнушавшиеся есть человечину в извечном стремлении выжить, создавали поистине удивительные вещи. От Кританы Конан узнал, что на Ваджрана работали не только коварно завлеченные в подземелье паломники. Главный жрец рассыпал своих лазутчиков в другие города и даже в другие страны, которые славились искусными мастерами, приказывая похищать самых лучших. Одни умирали, на смену им появлялись другие — в этом и заключался секрет чудес Кубиры.

И еще одно узнал Конан: кровь, которую приносили в жертву божеству, принадлежала мастерам, которые уже не могли работать. Каждому из тех, кто попал сюда, предстояло напоить страшного бога своей кровью.

Поглаживая сотканную братьями парчу, прохладную и нежную, как кожа юной девушки, Конан снова и снова представлял себе голову жреца, валяющуюся в пыли с выпученными глазами и оскаленным ртом. Такой будет его жертва Кубире! Настанет час, и он поквитается с Ваджраном — отнесет его голову в храм и швырнет ее в жертвенную чашу!

Братья уже давно спали, когда Конан в полной темноте на ощупь добрался до жесткого тюремного ложа. Еще долго он представлял себя сражающимся с бесчисленными полчищами монахов, выползающих из закоулков подземелья и глядящих на него ненавидящими глазами Мервана.

Утром за Конаном пришли монахи и повели его наверх. Он поднимался по ступеням, а в ушах его звучали слова: «Вода, вино, колодец... Вода, вино, колодец... Вода, вино, колодец...» Значит, сегодня — вода? Ну, ладно, посмотрим, что там за вода!

Конана ввели в зал с бассейном. Среди монахов стоял Мерван, злорадно поглядывавший на киммерийца.

Сбросив одежду, Конан подошел к краю бассейна, наклонился и отпрянул, будто что-то увидел в воде. Не сводя с бассейна глаз, он замычал и замахал рукой, подзываая монахов. Они подошли ближе, недоумевая, что бы могло там быть? Один из них наклонился совсем низко, старательно всматриваясь в толщу воды. Конан, все так же удивленно мыча, оглянулся и

неуловимым движением плеча столкнул монаха в воду. То, что произошло вслед за этим, исторгло у всех вопль ужаса. Вода тут же вскипела, тело упавшего покрылось бесчисленными белыми пузырями, и вскоре на поверхность всплыла страшная раздутая туша с лопающейся кожей, совсем не похожая на молодого здорового воина, которым она была несколько мгновений назад.

Поняв, что ему было уготовано плавать в бассейне безобразным раздувшимся трупом, Конан в дикой ярости схватил в охапку двух растерявшихся монахов и швырнул их в воду. Остальные в панике выбежали за дверь и заперли ее снаружи. Оставшись один, варвар дал волю гневу, накопившемуся в нем за эти два дня: в бассейн полетели скамьи, столы и ковры, устилавшие мозаичный пол. Все, что он мог поднять или отломить, летело в воду. Вскоре весь бассейн был заполнен побуревшими бесформенными остатками некогда прекрасных вещей, а среди них плавали три раздувшихся трупа.

Распахнулась дверь, ведущая во внутренние покои, и, выставив перед собой обнаженные мечи, в зал вбежало десятка два монахов. Следом за ними спешно вошел главный жрец, разгневанный и встревоженный. Увидев то, что плавало в бассейне, он побелел от гнева. Ваджран хорошо знал тайну голубой воды, таким способом не раз избавлялись от неугодных, и теперь он пришел в ярость при мысли, что кто-то осмеливается идти наперекор его желаниям и хочет лишить монастырь непобедимого бойца.

Окруженный со всех сторон сверкающими мечами, Конан прошел за Ваджраном в одну из дальних комнат. По всей вероятности, это была личная купальня жреца, такая ослепительная роскошь здесь царила. Широкое окно выходило в прекрасный сад с цветущими деревьями.

Следом за ним в комнату вошли служки с огромными кувшинами. Конану приказали встать в центре небольшого бассейна, и его стали омывать прохладной водой, предварительно обливая ею одного из служек. Бедняга трясся от ужаса при виде каждого нового кувшина и, наверное, мысленно прощался с жизнью. После этого все пошло своим чередом — служки растерли и умастили тело бойца, дали ему выпить бодрящего вина, вновь облачили его в одежду и уже другим путем, но по-прежнему в окружении вооруженных монахов, вывели во двор.

Глава шестая

Святой Ваджран несомненно был обеспокоен утренним происшествием, но все же не стал отменять поединок. На этот раз Конана не повели к алтарю Кубиры, а оставили в небольшой каморке сбоку от входа. Отсюда он мог слышать лишь приглушенное пение монахов и резкий голос жреца, приносящего жертву.

Народ на площади, как и вчера, шепотом повторял имя нового бойца. Монахи, стоявшие у помоста, с трудом сдерживали толпу — казалось, все жители города, молодые и старые, здоровые и больные, младенцы и калеки, собрались здесь, чтобы посмотреть поединок.

На этот раз к помосту вышел немолодой боец. Он уже не раз участвовал в этих боях, и, случалось, торжествуя, уносил домой два сундука. Но он не знал, что сегодня ему предстояло сразиться не с бойцом, пусть даже очень сильным и расчетливым, а с выпущенным на волю демоном — демоном гнева.

Люди замерли в предвкушении долгой и ожесточенной борьбы, но то, что произошло на этот раз, поразило горожан, видевших на своем веку множество искусных бойцов.

Не успели противники сойтись, как «победивший тигра» со страшным звериным рыком, заставившим содрогнуться все сердца, кинулся на своего могучего противника, нырнул под расставленные руки и, обхватив его сзади, поднял вверх. Потеряв опору, тот отчаянно извивался, скатый стальными тисками, которые все сильнее сдавливали его грудь. Лицо его уже начало чернеть, глаза почти вылезли из орбит, когда Конан, наконец, отбросил его далеко от помоста на середину площади. Там бедняга и остался лежать, не понимая, жив он или уже умер.

Конан стоял в центре помоста в позе готового к броску зверя и глядел на жреца сверкающими голубыми глазами. Жрец испугался, встал с кресла и дал знак толпившимся рядом монахам поскорее увести пленника. Когда они скрылись за воротами монастыря, Ваджран подошел к лежащему в пыли побежденному. Тот был жив, дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Глаза бедняги раскрылись и бессмысленно уставились на жреца. Ваджран благословил его, положил на грудь приносящий удачу амулет и приказал монахам отнести несчастного домой.

Притихшая толпа проводила жреца удивленными взглядами и робким

шепотом, а он, важно шествуя к воротам, думал о новом бойце, Сегире. С такой, страшной силой опасно шутить! Надо держать ее в узде и покорности. Хорошо, что он немой. Даже если, взбесившись, он когда-нибудь вздумает бежать, то все равно не сможет сказать ни слова о монастырских порядках, о подземной тюрьме. Значит, главное — не доводить его до гнева и ярости. И обязательно надо найти предателя, который отравил бассейн!

Кто же, кто осмелился на такую неблагодарность?! До сих пор Ваджран был уверен в беспрекословной покорности всех монахов. Ведь кровожадный и страшный Кубира — это его детище! Раньше, когда не было этой подземной тюрьмы, и статуе бога подносили в жертву молоко, масло и священную траву дурву, когда не было этих боев во славу бога, Потали был священным городом, живущим своими трудами.

Это он, тогда еще молодой монах, отравив своего предшественника и став главным жрецом, сделал Кубиру чудотворным и стал приносить ему в жертву человеческую кровь. Фигурка бога за эти годы выросла в огромную статую, которая скоро перестанет помещаться в храме. Иногда, как например, вчера, статуя даже ожидала, наводя на всех ужас и поддерживая его, Ваджрана, власть. И вот теперь... Погрузившись в размышления, жрец молча прошел в свои покои.

Вечером служки, собрав накопившиеся за день слухи, принесли Ваджрану новость, вмиг прогнавшую его мрачные мысли.

Когда побежденного принесли домой и привели в чувства, облив несколькими ведрами холодной воды, он с трудом встал на колени и прошептал:

— Хвала Кубире! Этот бог вселился в непобедимого Сегира! Это сам Кубира победил меня на помосте! Отнесите в храм еще один сундук! — Родственники помогли ему подняться и дойти до ложа, а он все повторял: — Хвала Кубире! Я боролся с самим богом!

Эта весть моментально облетела весь город, и теперь он шумел, как растревоженный улей. За последние годы горожане привыкли к чудесам своего божества, но новое проявление его могущества привело их в благоговейный трепет.

Жрец, обрадованный тем, что все обернулось такой немыслимой удачей, в то время как он ожидал недовольства толпы, теперь втолковывал монахам, что они должны беречь пленника как зеницу ока, а самым приближенным, в числе которых был и Мерван, приказал следить за остальными, чтобы поймать того, кто осмелился отравить бассейн.

А тем временем Конан кружку за кружкой осушал кувшин чудесного

вина, возникшего на столе вместе с обильным угощением, стоило Дхаване достать свой пояс. Пища и вино, принесенные монахами, остались нетронутыми, и их было решено спустить в сливное отверстие в дальнем углу пещеры.

Прихлебывая ароматное вино, Конан шепотом рассказывал братьям о событиях этого бурного дня. Он не сомневался, что Ваджран еще пожалует сегодня в их темницу, чтобы как следует попугать пленников. Поэтому они поспешили покончить с едой, сбросили в зловонную дыру монастырское варево и стали ждать. Братья молча работали, а Конан лег и притворился спящим, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Вскоре за дверью раздались негромкие голоса и звяканье оружия.

Распахнутая дверь ощетинилась сталью обнаженных клинков. Монахи входили в пещеру осторожно, как в логово дикого зверя. За их спинами, не решаясь войти, стоял Ваджран, облаченный в одно из своих самых роскошных одеяний. Видя, что могучий Сегир спит, а ткачи замерли у станка, жрец медленно вошел в пещеру. Услужливые монахи тут же поставили для него кресло, и святой Ваджран опустился в него, окинув темницу надменным взглядом.

Выставив вперед мечи, стражники с опаской подошли к спящему и знаками приказали Дхаване разбудить его. Юноша наклонился, откинул тигровую шкуру, закрывавшую лицо Конана, и стал что-то тихо шептать ему на ухо. Конан резко сел, скжал кулаки, и хмуро глянул на жреца. Тот с трудом выдержал его взгляд и, стараясь сохранять хладнокровие, заговорил:

— Сегодня ты чуть не погиб, доблестный воин, но по воле Кубиры ты остался жив. Я нашел и покарал виновного, и отныне тебе ничего не грозит. Более того, народ решил, что твоими руками сражается бог. Поэтому я предлагаю тебе и твоему брату бесценный дар — свободу! Как только будет готово обещанное покрывало, вас отведут в храм, где вы поклянетесь забыть о том, что видели в монастыре. Иначе гнев Кубиры тут же испепелит вас! Потом монахи проводят вас домой. Но ты, Сегир, должен будешь на протяжении месяца смирять свою силу и побеждать соперников, не убивая их. А сейчас я хочу посмотреть, что сделали ткачи. Так ли прекрасна парча, как хвалился твой брат.

Ваджран подошел к ткацкому станку и не смог сдержать возглас изумления. Такого полотна он еще никогда не видел, мало того, он не мог представить, что эта парча была выткана человеческими руками. Конечно, до конца срока он найдет, за что наказать пленников и лишить их обещанной свободы. Таких мастеров нельзя выпускать из рук.

Окинув пленников грозным взглядом, Ваджран повернулся и с явным облегчением покинул темницу. Стражники, пятясь, последовали за ним. Дверь захлопнулась, и узники снова остались одни.

Критана схватил брата за руку:

— Ты слышал?! Он обещал нам свободу! Через месяц, когда покрывало будет готово, вы выйдете отсюда! — Забыв о себе, он, как ребенок, радовался за брата и его товарища.

Мрачно глядя в пол, Конан прощедил:

— И ты ему веришь? Это не человек, а кровавый демон! Клянусь Кромом, слова для него ничего не значат, так же как и жизнь любого из нас. Пока мы ему нужны, он будет соблазнять нас свободой или пугать страшной смертью, а потом... Ты сам знаешь, что потом...

Поглаживая брата по плечу, Дхавана сказал:

— Наше спасение — в этом покрывале и в чудесной силе Конана. Мы сами соткем себе свободу и поквитаемся со жрецом!

— А вот это я беру на себя! — грозно произнес Конан, сверкнув глазами в сторону двери.

Глава седьмая

На следующее утро Конана снова привели в купальню, наполненную чистой водой, и служка, белый от ужаса, на глазах у всех вошел в бассейн, трижды окунулся и вышел невредимым. После этого Конан с удовольствием выкупался и, пока его растирали и умывали, краем глаза следил за стоявшим неподалеку Мерваном.

Служки наполнили кубок вином и замерли, восхищенно глядя на могучего бойца, в котором народ признал воплощение бога. Пока они глазели, как непобедимого воина одевают в яркие одежды, Мерван почти неуловимым движением что-то бросил в кубок. В следующее мгновение он уже смотрел в другую сторону и неторопливо направился к двери, у которой стояли монахи, готовые сопровождать Сегира на площадь.

Служка подал Конану кубок вина на золотом подносе. Отрава плескалась в золотом сосуде, дразня ароматом трав и специй.

Как бы нечаянно Конан уронил с плеч шкуру тигра, сделал шаг и, запутавшись ногой в шкуре, упал на пол, выплеснув содержимое кубка прямо в лицо одного из стражников.

Киммериец еле успел вскочить на ноги, подхватил шкуру и отбежал в сторону — стражник в отчаянии пытался стряхнуть с себя капли отравы, которая прямо на глазах превращала его лицо и руки в обугленные головешки. Сотрясая своды зала нечеловеческим воем, по полу катался покерневший кусок мяса. Но вот стало тихо, от стражника осталась лишь кучка пепла.

Конан схватил тяжелый мраморный стол, на котором только что стоял кубок, и поднял его над головой, собираясь размозжить голову вся кому, кто посмеет к нему приблизиться. Как и вчера, монахи и служки бросились наутек, заперев за собой двери. Оставшись один, киммериец опустил стол и огляделся.

На столе у стены стоял кувшин, из которого в кубок наливали вино. Конан взял кувшин и вылил на ковер немного вина. Мокре пятно растеклось по ворсу, в нос ударил пряный аромат. Осушив кувшин в несколько глотков, Конан разбил его о край бассейна, отошел к стене и стал ждать, что будет дальше.

В окружении свиты, кипя от злости, не уступавшей вчерашней ярости Конана, в зал стремительно вошел — или, скорее, ворвался — святой

Ваджран. Увидев, чтосталось с одним из его верных слуг и во что мог превратиться воин, который ему так нужен, он до крови закусил губу, сдерживая рвущийся наружу гнев.

Опять поединок под угрозой, опять Сегир доведен до бешенства. Кто-то упорно старается уничтожить пленника, но зачем?! Ведь это выгодно всей братии, теперь богатства текут в храм не узкой рекой, а бурным потоком — уже сегодня горожане принесли на площадь богатые дары, радуясь возможности лицезреть божественного воина.

Пленник стоял у стены, угрожающе подняв тяжелый мраморный стол и суля смерть каждому, кто рискнет подойти слишком близко. Ваджран шепнул несколько слов одному из приближенных монахов, и тот быстро скрылся за дверью.

Пока посланный не вернулся, жрец молча стоял, переводя взгляд с кучки пепла на непроницаемые лица окруживших его монахов, и пытался угадать, кто из них уже второй раз портит ему игру? Пожалуй, вечером, когда пленник будет надежно заперт в темнице, надо будет прибегнуть к самому верному средству и узнать, наконец, кто идет наперекор его воле и что за этим кроется. А что, если сам Ваджран должен стать следующей жертвой?! Но это средство опасно, очень опасно...

Видя, что монахи плотным кольцом окружили жреца, Конан опустил тяжелый стол на пол, всем своим видом показывая, что в любое мгновение готов пустить его в ход.

В тягостной тишине время тянулось медленно. Но, наконец, посланный вернулся, ведя за собой связанного Джавану. Ткача вытолкнули на середину зала, и по приказу жреца двое стражников приставили к его груди мечи. Прячась за спины монахов, Ваджран обратился к Конану, вновь схватившемуся за стол:

— Остановись, Сегир! Еще мгновение — и твой брат умрет у тебя на глазах! Я не хочу ни твоей, ни его смерти. Народ ждет поединка, и он должен состояться! Кто-то упорно хочет погубить тебя. Клянусь, я найду виновного, и сама смерть покажется ему желанной, когда он попадет мне в руки! А сейчас поставь стол и спокойно иди на площадь — или последний раз взгляни на того, кого ты считаешь своим братом! А ты, ткач, скажи ему, хочется ли тебе умереть!

Джавана воскликнул:

— Послушайся святого Ваджрана, о брат мой! Через месяц мы получим свободу и будем вечно благодарить его! Быть может, Кубира вернет тебе речь, как вернул мне мое искусство — и все испытания покажутся нам лишь сном! Иди, брат мой, и одержи победу!

Конан поднял над головой стол и изо всех сил швырнул его на пол. Стол с грохотом разлетелся на куски, разноцветная мозаика брызнула во все стороны, а на полу осталась глубокая выбоина. Нахмурив брови и оглядываясь на Дхавану, варвар направился к двери.

Во дворе монахи вложили мечи в ножны и мгновенно выстроились в торжественную процессию. Под завывание флейт и грохот барабанов святой Ваджран двинулся к храму.

Когда зал опустел, двое монахов подхватили Дхавану и потащили обратно в подземелье. Втолкнув его в пещеру, они заперли дверь и поспешили на площадь, боясь пропустить начало поединка.

Дхавана отдохнул и начал рассказывать испуганному брату, что произошло наверху. Критана, уже не надеявшийся увидеть Дхавану живым, немного успокоился, и они принялись за работу, с нетерпением ожидая Конана.

Челноки, как птицы, мелькали в проворных руках, шелк и золото ряд за рядом складывались в чудесный сверкающий узор. Перед ткачами лежал волшебный пояс, и в рисунке покрывала они повторяли орнамент, составленный из причудливо переплетенных магических знаков. Искусные мастера увлеклись работой, однако она не помогала рассеять тревогу. Юношей неотвязно преследовал один вопрос — что же сейчас происходит там, на площади?

Время шло, постукивал станок, разматывались шелковые нити, и ничто больше не нарушало тишину подземелья. Братьям показалось, что прошла целая вечность, прежде чем они услышали топот множества ног.

Дверь распахнулась, и в пещеру вошел Конан. Он грозно сверкнул глазами на стражников, и те тут же попятались к двери. Служки внесли кувшин с вином и блюдо с рисом. Монахи и служки поспешили убраться и покрепче запереть дверь — они боялись своего пленника куда больше, чем живого тигра.

Вскоре за дверью стало тихо, и братья подсели к Конану, радуясь его возвращению и торопясь узнать, как прошел поединок.

Конан рассказал все по порядку. Критана, который не видел киммерийца в бою, изредка прерывал его изумленными возгласами. Закончив рассказ, варвар похлопал ладонью по столу и сказал Дхаване:

— После всех передряг надо бы подкрепиться. Впрочем, все здешние бойцы в подметки не годятся любому киммерийскому воину. Силы у них, может, и достаточно, но кровь сразу ударяет им в голову, и они лезут напролом. Неудивительно, что эта хитрая бестия Мерван так долго оставался непобедимым! Давай, Дхавана, доставай свой пояс и попроси

его угостить нас барашком!

Желание Конана тут же исполнилось, и пленники с удовольствием принялись за еду, не забыв избавиться от монастырской пищи. Насытившись, братья снова принялись за работу, а Конан сел в углу и стал размышлять о последнем испытании.

Завтра его попытаются сбросить в какой-то колодец — либо здесь, в тюрьме, либо там, в купальне. Провалится какой-нибудь потайной камень — и он навсегда исчезнет в бездонной глубине. Конан немало слышал о подобных хитростях, а здесь, в этом змеином гнезде, наверняка множество таких ловушек. Значит, завтра он должен опередить врага и избавиться от него — иначе победа достанется Мервану, а его труп будет гнить глубоко под землей.

Конан так задумался, что даже не заметил, что братья уже давно прервали работу и наблюдают за ним. Юношей встревожил мрачный вид киммерийца, грозно нахмуренные брови, гневно сжатый рот. Дхавана подошел к Конану, присел рядом и тихонько спросил:

— Что тебя так тревожит, брат? Завтрашний день? Но я уверен, удача не изменит тебе, и ты опять победишь!

— Твоя сестра говорила «колодец». Вода и вино — это уже было, но где этот колодец?! В подземелье или наверху? Если бы только знать...

— Я знаю, где он, — воскликнул Критана. — Я уверен, что Сундари говорила именно о нем! Колодец здесь, в подземелье, там, где кончается большая галерея, перед входом в пещеру с котлами! Мне рассказывал о нем один мой товарищ — теперь его уже нет. Тела мастеров, кровь которых выпивает Кубира, сбрасывают в колодец. Однажды моему другу велели сбросить туда трупы, и, вернувшись в нашу пещеру, он обо всем мне рассказал. Один из стражников слегка прикоснулся к бронзовому цветку, почти незаметному на шершавой стене, и у их ног разверзлась бездна. Далеко внизу светилось подземное пламя, туда сбросили тела убитых. Потом монах вновь нажал на цветок, и камень встал на место.

— Там, где кончается галерея? Постой, постой, я, кажется, видел в стене под светильником какую-то финтифлюшку. Я еще, помнится, подумал — какое странное украшение ни с того ни с сего торчит в стене... — Теперь мне все ясно... — И Конан умолк, вновь погрузившись в свои думы, а братья опять взялись за работу.

Глава восьмая

В это время святой Ваджран тоже предавался невеселым размышлениям. Ему во что бы то ни стало нужно найти негодяя, покушавшегося на жизнь нового бойца. Ваджран мысленно перебрал всех приближенных монахов, кто же предатель. Но вроде бы все были верные, испытанные слуги. Они умели многое, но ни один из них не смог бы занять его место, поэтому жрец и был до сих пор так спокоен. Ну, что ж, придется все-таки прибегнуть к последнему средству. Ваджран подошел к совершенно гладкой стене, выложенной идеально подогнанными друг к другу разноцветными камнями. Они складывались в радовавший глаз узор из цветов, листьев и птиц.

Жрец нажал лишь ему одному известный камень, и часть орнамента отошла в сторону, открыв небольшую нишу. В ней стоял сосуд странной формы. Если приглядеться внимательней, можно было понять, что это маленькая высущенная тыква, искусно оправленная в серебро и украшенная мелкими рубинами. Она стояла на трех ножках в виде когтистых птичьих лап, а серебряная крышка была сделана в форме смеющегося человеческого лица с птичьим клювом. Эта улыбка казалась такой живой, что всякий раз вызывала у жреца страх. Даже статуя Кубиры пугала его гораздо меньше, чем этот маленький демон, сидящий в тыкве и глядевший на него зелеными каменными глазками.

Всего один раз Ваджран воспользовался помощью демона и надеялся, что это ему больше не понадобится. Но вот пришло время вновь задавать демону вопросы... Скоро стемнеет, взойдет луна, и можно будет открыть крышку. Похоже, другого выхода нет...

Этот сосуд Ваджран купил много лет назад у одного странствующего факира вместе с ядом, которым отравил своего предшественника, старого Карса. И заплатил он за все это тремя самыми красивыми девушкими города.

Потом их нашли в лесу мертвymi, тела их были сморщены, как у древних старух. Яд оказался превосходным — Карс даже не догадался, что его отравили. Старец заболел, и Ваджран преданно за ним ухаживал. Умирая, Карс провозгласил верного Ваджрана своим преемником. Выбор Карса вызвал недовольство у старших монахов. Вот тогда-то и пришлось Ваджрану впервые открыть крышку этого сосуда... Да, демон помог ему

советом, но чего стоило вырваться из его объятий! Плата за совет была поистине чудовищной! И теперь руки Ваджрана дрожат, прикасаясь к маленькой тыкве, а пальцы отказываются повиноваться.

Жрец встал и подошел к двери, ведущей в соседний покой, где дежурили молодые служки. На этот раз вместе с ними должны были ночевать музыканты. Святой Ваджран приказал музыкантам разбудить его поутру самой громкой музыкой, на какую они способны, посулив большую награду и пригрозив страшной карой за неповинование. Потом жрец вернулся к себе и запер дверь. Постоял у окна, выглянул в напоенный ароматом цветов сад, посмотрел на узкий серп луны высоко в небесах и захлопнул створки. Тяжелые шторы отгородили его от всего мира, они остались одни — жрец и маленький демон.

Углы комнаты тонули во мраке, огромным слоном сгорбилось роскошное ложе, которое сегодня ночью не увидит своего хозяина. На маленьком столе посреди комнаты горел одинокий светильник, и старик дрожащей рукой поглаживал крышку сосуда. Наконец он решился и, потянув за острый клюв, откинул крышку.

В комнату ворвался порыв ветра, язычок пламени затрепетал и погас. Однако это была уже не комната — Ваджран сидел на большом камне в каком-то пустынном месте, тускло освещенном багровыми отблесками заката. Напротив него на выдолбленном в форме высокого трона камне восседало странное маленькое существо с лицом, постоянно подергивающимся от улыбки.

Это было ожившее лицо с крышкой сосуда. Зеленые глаза то потухали, становясь почти черными, то вспыхивали бездонным изумрудным пламенем. Волосы на голове существа шевелились, как клубки змей, то свиваясь в упругие кольца, то повисая длинными прядями. Все тело этой тщедушной на вид твари было покрыто чешуей.

Ваджран с омерзением вспомнил ее прикосновение, сердце сжалось в его груди в ледяной комок, но он сдержал свой страх и встал на колени, приветствуя демона.

— Здравствуй, Ваджран! — проскрипело существо, гадко осклабившись. — Вижу, в твоей жизни не все гладко. Тебе снова понадобилась моя помощь? Ну, задавай свой вопрос! На свете нет ничего, что было бы скрыто от меня! — Отвратительно гримасничая, поджимая под себя то одну, то другую ногу, царапая жесткими чешуйками камень трона, он ждал, пока заговорит Ваджран.

Жрец глубоко вздохнул и, боясь встретиться глазами со сверкающим взглядом демона, рассказал о случившемся.

Демон поерзal на троне и капризно сморщился:

— Люди, как вы многословны! Мне не нужны твои истории! Задай вопрос — и получишь ответ! Если у тебя есть еще один вопрос — задашь его следующей ночью! Ну, спрашивай, мне надоело ждать!

— О, властелин неведомого, назови мне имя! Имя того, чьи козни угрожают моей власти! Кто смеет идти наперекор моей воле! Только имя — больше ничего!

— Вот это другой разговор! Сейчас ты получишь ответ, и до утра ты — мой! Не будем терять время! Смотри!

Все заволокло сизой дымкой, и перед Ваджраном стали разворачиваться картины прошлого.

Вот он во главе свиты смотрит, как мальчики-служки демонстрируют свои боевые навыки. Один из них, рослый, с серьезным, даже мрачным лицом, сразу привлек внимание Ваджрана — применяя всевозможные хитроумные приемы, он с легкостью побеждал своих соперников. Позже этот мальчик попал в группу монахов-воинов, охранявших жреца во время торжественных выходов. Несколько раз его посылали в дальние края за искусствами мастерами, и он всегда возвращался не с пустыми руками.

Перед глазами жреца появилась следующая картина. Он, святой Ваджран, посвящает Мервана в самый высокий монашеский сан — тот становится бойцом Кубиры. Лишь очень немногие воины удостаивались такой чести. Это звание давало им огромные привилегии — долю в богатствах монастыря, всеобщий почет и власть над другими монахами, а также ночи со знойными пленницами.

Однако закон монастыря гласил, что власть может переходить лишь к тому, кого назначил сам главный жрец, чувствуя приближение смертного часа. Такова была воля Кубиры.

Ваджран смотрел и не мог поверить, что Мерван, который служил ему верно и преданно, как пес, затеял такую игру.

Но, увидев, как обозлило Мерvana первое поражение и в какую ярость он пришел при появлении нового бойца, намного превосходившего его в силе и ловкости, Ваджран понял, что Мерван хотел лишь одного — опять стать единственным непобедимым бойцом Кубиры. Демон показал ему, как Мерван отравил воду в бассейне и как он бросил яд в кубок с вином. Жрецу захотелось немедленно сбросить предателя в огненный колодец.

Но вот видение заколыхалось, образы стали зыбкими и растеклись прозрачными струйками дыма.

Нетерпеливо похлопывая себя по колену когтистой лапой и насмешливо щуря глаза, демон спросил Ваджрана:

— Ты получил ответ на свой вопрос? Теперь ты знаешь имя своего врага?

— Да, о всесильный! Теперь я знаю, кто осмелился мне помешать. Его ждет огненный колодец!

Демон захохотал:

— Ты прав, его ждет огненный колодец! А теперь снимай свои тряпки — пора расплачиваться!

Демон вскочил с трона и подбежал к Ваджрану, волоча за собой длинный тонкий хвост, усеянный острыми шипами. Не дожидалась, пока демон, как в прошлый раз, порвет на нем платье, жрец поспешил сбросил драгоценное парчовое одеяние. Демон, похочатывая, стал натирать его тело густым коричневым снадобьем, от запаха которого кружилась голова:

— Да, со времени нашей первой встречи ты сильно сдал! В прошлый раз ты был хоть куда! Ну да ничего, моя мазь встряхнет тебя, вмиг помолодеешь!

Демон вскочил старику на спину и сжал его бока коленями, обдирая кожу острой чешуей. Невыносимая боль заставила жреца запрыгать на месте, он пытался сбросить седока, но демон стегнул Ваджрана хвостом, и тот взвился к небесам.

Далеко внизу осталась пустыня, казавшаяся в сумерках пыльным серым ковром с черными россыпями камней, небо подернулось рваными облаками, а хохочущий всадник все гнал и гнал жреца ввысь, подпрыгивая на его спине и безжалостно подхлестывая хвостом.

Ваджран понял, что они летят к мерцающей далеко впереди крошечной точке. Она медленно приближалась, становясь все ярче и ярче, вселяя ужас в сердце жреца. Он был готов терпеть боль от острой чешуи демона и хлесткие удары его хвоста лишь бы не оказаться на этом проклятом острове. Но демон с дикими воплями гнал Ваджрана к разгоравшемуся сиянию...

И вот, наконец, «наездник» направил своего несчастного «коня» вниз, прямо на сверкающие скалы, вздымающиеся из жемчужных вод, подобно огромным сросшимся кристаллам. В середине острова эти переливавшиеся разноцветными огнями скалы образовали глубокую чашу, дно которой освещалось их радужными сполохами.

Жрец в изнеможении упал на землю, усыпанную осколками камней, а демон, успевший спрыгнуть с его спины, уже бежал к огромной черной пещере, в которую никогда не проникал свет. Там, в глубине, в кромешной темноте тускло горели два красных глаза.

Демон остановился у входа и трижды крикнул:

— Гахха! Гахха! Гахха!

Глаза вспыхнули, словно огни маяка, и демон продолжил:

— Я пришел, Гахха!

Гулкое эхо повторило:

— Гахха, Гахха...

Из пещеры вылетело существо, которое не могло присниться Ваджрану даже в самом страшном сне — мерзкая горбатая старуха с болтавшейся у колен грудью, с совиными когтями, вместо рук, и с крокодильими лапами вместо ног.

— До утра он твой! — Демон доказал длинным ногтем на трясущегося от ужаса жреца.— Ты ведь уже знаком с ее сестрой, а, Ваджран? — И чудовище захочотало.

Старуха присела, ее горб расправился и превратился в два огромных крыла с прозрачными перепонками. Она оттолкнулась от земли и, виляя длинным чешуйчатым хвостом, полетела к Ваджрану.

Последнее, что помнил жрец,— гнусное, похотливое хихиканье демоницы...

Тишина взорвалась оглушительным барабанным боем и завыванием флейт. Жрец с трудом открыл глаза. Все плыло и качалось перед его взором, но вот, наконец, он понял, что лежит на полу в своей комнате, а сквозь узкую щель в занавесях пробивается тонкий луч солнца. Он попытался встать — и застонал от боли. Все тело ныло и горело, будто изрезанное острыми ножами. Ваджран увидел, что солнце стоит уже высоко и пора выходить на площадь. Постанывая от боли и вытирая набегающие на глаза слезы, старик с трудом оделся и поспешил убрать в тайник страшный сосуд. Потом он распахнул дверь, прихрамывая вышел в соседний покой и жестом велел музыкантам убираться прочь.

К Ваджрану подошел монах и склонил голову, ожидая приказаний. С трудом ворочая языком, жрец прохрипел:

— Мерван! Схватить и привести! В цепях! Скорее!

Монах побежал выполнять приказ, но вскоре вернулся:

— О, святой Ваджран! Он сегодня сам пошел в подземелье за пленником. Сказал, что ты ему велел!

— Проклятие! Собери стражников — и скорей в подземелье! Его надо схватить!

Монах поспешил вышел, а Ваджран в сопровождении нескольких служек, забыв про боль и кипя от ярости, направился во двор.

У дверей подземной тюрьмы жреца уже ждал отряд воинов, обнаживших мечи и готовых кинуться в бой по первому его слову.

Когда Ваджран входил в дверь подземной тюрьмы, Мерван во главе небольшого отряда стражников уже выводил Конана из темницы. Стоя у ткацкого станка, братья провожали киммерийца встревоженными взглядами. Но вот дверь захлопнулась, и Конана, как это было и день, и два назад, повели по полутемному коридору.

Конан шел, низко опустив голову и не обращая внимания на стражников. Казалось, он рассматривает каменные плиты под ногами. Но киммериец, как кот за мышью, следил за шедшим рядом Мерваном. В любой момент Конан был готов к прыжку, а его руки жаждали схватить врага.

Обманутые кажущейся покорностью пленника, стражники за спиной Конана негромко переговаривались.

Коридор кончался, впереди виднелись огни большой пещеры. Мерван ускорил шаг и направился прямиком к правой стене.

«Все правильно», — подумал Конан. Мервану осталось лишь протянуть руку, как вдруг Конан обхватил его сзади с такой силой, что стало слышно, как хрустят кости коварного монаха.

Стражники выхватили мечи и встали напротив Конана и его жертвы, готовясь к нападению. Конан уперся затылком в бронзовый выступ и прижался спиной к стене, не выпуская из рук извивающегося Мервана. Внезапно камень под ногами стражников провалился, и они полетели вниз. Перед Конаном разверзлась бездна. Он стоял на узком каменном карнизе, с трудом удерживаясь, чтобы не сорваться. Мерван отчаянно бился в руках киммерийца, пытаясь увлечь его за собой в колодец.

Со стороны подземного зала послышался шум и звон оружия, и сам Ваджран во главе грозного отряда воинов поспешил подошел к краю колодца. Повелительным жестом протянув руку в сторону своего непобедимого бойца, в покорности которого он ничуть не сомневался, жрец воскликнул:

— Он нужен мне живым! Дай мне его живым, слышишь, Сегир!

Конан захохотал, и его смех показался Ваджрану и стражникам хохотом торжествующего демона. Могучие руки подняли отчаянно сопротивлявшегося Мервана вверх и швырнули его в огненную пасть колодца. Последний крик предателя отозвался гулким эхом, и огромная каменная плита беззвучно встала на свое место, дабы и впредь хранить тайну подземелья.

Ваджран стоял как вкопанный, с изумлением глядя на бойца, которого, похоже, охраняли боги. В ушах его звучали слова демона: «Его ждет огненный колодец!» — сказанные про подлую змею Мервана. Ну, что

ж, негодяй полутил свое. С изменником покончено.

Ваджран круто повернулся и быстрым шагом направился к выходу. За ним, окружив пленника плотным кольцом, поспешили стражники — пора готовиться к поединку.

Глава девятая

Главный жрец сам присутствовал при купании Сегира: он не хотел никаких случайностей и никаких сбоев в раз и навсегда заведенных им порядках. Боец должен драться — и он будет драться, ибо так хочет он, святой Ваджран, служитель великого бога!

Перепуганные служки умащали широкую спину непобедимого бойца, а стражники, держа руки на рукоятках мечей, не сводили с киммерийца настороженных глаз — теперь им казалось, что Сегир в любую минуту может броситься на них и устроить страшную бойню. Монахи и служки отнюдь не были невинными ягнятами, в своем монастыре они каждый день видели муки и смерть, а нередко и сами убивали. Но за эти три дня загадочный немой воин погубил столько служителей Кубиры, что вселил ужас в сердца всей братии.

Трясущийся от страха служка отпил бодрящего вина из золотого кубка и с облегчением передал его Сегиру. Усмехаясь, тот осушил кубок и накинул на плечи тигровую шкуру.

Увидев непобедимого воина, народ на площади возликовал. Если раньше толпа радостно приветствовала главного жреца, то теперь все восторги принадлежали Сегиру, «бойцу, победившему тигра».

Жрец важно шел по площади, медленно переступая с одного золотого кирпича на другой. Это всегда производило на горожан и паломников огромное впечатление. Ваджран любил приветствия толпы, восхвалявшие его святость,— в такие мгновения он чувствовал себя всесильным владыкой города. Сам князь преклонял перед ним колени, прося благословения. А сейчас жрец морщился от досады, слыша со всех сторон:

— Сегир! Сегир! Непобедимый Сегир! Избранник Кубиры!

— Хвала Кубире! Хвала Сегиру!

У подножия трона стояли богатые приношения горожан, примирившие Ваджрана с триумфом нового бойца. Придет время, и найдется кто-нибудь другой, но лишь тогда, когда он сам, жрец всесильного Кубиры, этого захочет. А пока пусть Сегир потешится и потешит жадную до зрелищ толпу! В конце концов, бойцы приходят и уходят, а он, Ваджран, остается! И жрец со свитой удалился в храм, чтобы принести жертву.

Для пленников потекли унылые дни заточения, как две капли воды

похожие один на другой. Если Конан ежедневно мог видеть свет солнца и множество человеческих лиц, то братьям заточение скрашивали лишь рассказы киммерийца и любимая работа. Сновали челноки, золотые шелковые нити прокладывали ряд за рядом, медленно приближая час освобождения. Даже в полутемной пещере узоры покрывала сияли, как на солнце, веселя сердца и согревая душу.

Конан часами разглядывал таинственные узоры, наблюдал за быстрыми, умелыми руками ткачей, или придумывал как бы пострашнее отомстить Ваджрану. Когда, тронутый мольбой Сундари и скорбью Дхаваны, киммериец согласился помочь им в поисках брата, он и представить себе не мог, что попадет в такое гнусное место. Что ни говори, там, где слишком много чудес и святости,— всегда жди подвоха!

Святой оказался чудовищным злодеем, а чудеса создавались ценой жизни простых людей. Надо уничтожить это гнусное змеиное гнездо, стереть в порошок всех «служителей великого бога»! И первым — жреца! Каждое утро Конан с трудом сдерживает себя, чтобы не броситься на него и не придушить — ведь достаточно лишь слегка сжать руки на тощей шее Ваджрана, но тихий внутренний голос всякий раз останавливает его: «Рано! Еще не время!» — слышится Конану, и он вымешает свой гнев и ярость на бойцах, желающих с ним сразиться.

Слухи о непобедимом воине долетели до самых отдаленных уголков Вендии, и великое множество паломников стеклось в Потали к празднику Куши — дню, когда Кубира творит чудеса, являя народу дивные вещи, созданные на небесах. Этот день был посвящен отправлению торжественных обрядов, боям во славу бога и, конечно, чудесам. Толпа с нетерпением ждала, когда распахнется дверь храма, и вереница служек вынесет на золотых подносах чудесное оружие, неземной красоты драгоценности и сосуды, волшебные ткани и всевозможные талисманы. На следующий день купцы, прибывшие со всех концов Вендии и из других краев, могли купить все эти диковинки за баснословные деньги. Потом эти вещицы доставлялись королям и властителям других стран, и те, не торгуюсь, их покупали.

В последнее время главный жрец довольно часто заходил в темницу, где сидели Конан и братья-ткачи. Ему было любопытно, как продвигается работа. Всякий раз увиденное приводило Ваджрана в восторг, и он возжелал, чтобы эти мастера до конца дней своих провели у подземного станка. Но как же заставить их смиренno ткать чудесные покрывала, а Сегира — все время сражаться и побеждать?! Угораздило же его пообещать им свободу! Теперь жрец ломал голову, как нарушить свое слово и

заставить пленников повиноваться, ведь они не чета остальным запуганным мастерам, которые готовы за кусок хлеба и день жизни гранить алмазы и ковать непобедимое оружие! Если Сегир разъярится, даже сам Кубира не сможет усмирить его! А этот ткач... Он хоть и щедрый с виду, но глаза смотрят дерзко. Чего доброго он предпочтет смерть рабскому труду — такое в монастыре уже случалось...

Жрец с ужасом понял, что ему остается лишь одно — вновь открыть маленький сосуд и задать вопрос демону. Ваджран всей кожей ощутил испытанную так недавно боль, но не в его правилах было выпускать из рук добычу. Эти пленники укрепляли его власть и сулили ему новые богатства. Уже сейчас все монахи поняли, как выгодны монастырю победы Сегира, а когда толпа увидит покрывало, что выткали ткачи, и купцы будут с пеной у рта набавлять за него цену, слава о монастыре разнесется еще дальше. Ради этого стоит потерпеть еще одну ночь! Всего одну ночь! Но это — потом. Потом, когда закончится праздник...

* * *

Наступил последний день накануне великого праздника Куши — праздника могучего бога Кубиры. Последние лучи солнца погасли в небесах, когда в глубоком подземелье ткачи закончили работу. Снятая со станка парча сияющим ворохом лежала на чисто вытертом столе, а главный жрец трясущимися руками гладил ее мерцающие складки.

— Такого мастера, как ты, я еще не встречал! Поистине твоя парча бесценна! Но ты говорил, что она может стать еще прекраснее? Неужели такое возможно?

— Да, о великий! Но для этого нужно выполнить три условия: вынести парчу на солнце и после того, как она будет натерта порошком, очищающим ее от земной пыли, те, кто ее ткал, и те, кто помогал им, должны встать рядом на колени, и я прочту благодарственную молитву богине Лури. Потом нужно стряхнуть порошок и опять расстелить парчу на солнце. Вот тогда ты увидаишь настоящее чудо!

— Хорошо! Завтра на рассвете вас всех выведут во двор, и мы посмотрим на твое чудо! Но гляди, если обманешь — вам всем это дорого обойдется! Хоть твоя работа и прекрасна, но я не люблю обманщиков! — Надеясь, что никакого чуда не произойдет и к этому можно будет

придраться, жрец покинул подземелье. Нет, это покрывало не может сделаться еще лучше!

Наступила ночь, фитили в плошках погасли, но мягкое сияние, исходившее от чудесного покрывала, разгоняло темноту, позволяя пленникам видеть друг друга. Что им принесет завтрашний день? Что произойдет, когда лучи солнца коснутся золотой парчи? Пояс, который Дхавана снял с себя и положил рядом с покрывалом, не давал ответа.

Братья стояли рядом, плечо к плечу, и Конану бросилось в глаза, как они похожи. За этот месяц Критана превратился из тощего старика в стройного юношу, правда более усталого и изможденного, чем Дхавана, но все равно это явно были плоды одной ветви.

Увидев их не в тусклом свете плошек, а в сиянии дня, хитрая бестия Ваджран может сразу заподозрить неладное, и тогда, вместо желанного освобождения, завтрашнее утро принесет смерть. Конан сказал об этом братьям, и, встревожившись, те стали думать, как обмануть проклятого жреца.

Тем временем Конан внимательно обследовал стены около погасших светильников. Так и есть — жирная копоть толстым слоем покрывала камни, и его руки сразу же стали черными. Киммериец шепотом велел Критане сесть на скамью, повернул его лицом к сияющей парче и начал работу.

Темные круги под глазами, темные пятна на впалых щеках, полосы на лбу под всклокоченными волосами, слегка натертые черной липкой массой тело снова превратили Критану в немощного старика с лихорадочно горящими глазами.

Оторвав лоскут от своей туники, Конан стер кое-где лишнюю черноту и отошел в сторону, придирично рассматривая юношей, — он остался вполне доволен своей работой. Теперь они были похожи скорее на отца и сына, чем на родных братьев.

Сложив парчу и накрыв ее своей туникой, отчего в пещере сразу стало темно, Конан на ощупь пробрался к тюфякам, где уже лежали Дхавана И Критана. Сон долго не приходил к ним, неизвестность тревожила, но наконец, усталость взяла свое, и они уснули.

Утром их разбудил скрежет ключа в замке. Свет дюжины факелов разорвал темноту. Монахи быстро зажгли светильники и встали возле двери. Пленникам приказали взять парчу, и их повели наверх. Они шли по подземному коридору, зная, что уже не вернутся назад. Но что их ждало там, наверху?

Распахнулась дверь, ведущая из тюрьмы во двор, и братья невольно

остановились, зажмурив глаза, — дневной свет ослепил их. Монахи вытолкнули пленников на середину мощеного двора и отошли в сторону.

Рядом с щедро залитым солнцем помостом стоял главный жрец в окружении неизменной свиты и с недоверчивой улыбкой ждал, что будет дальше. А Конан взволнованно переводил взгляд с Ваджрана на братьев, пытаясь понять, не заметил ли жрец их сходства. Нет — гrim наложен мастерски! Рядом с побледневшим и осунувшимся за этот месяц Дхаваной, пошатываясь на ослабевших ногах, стоял почтевший высохший старик. Ветерок шевелил жалкие лохмотья, которые когда-то были его одеждой.

Жрец приказал:

— Начинайте! Мы ждем вашего чуда! Но смотрите, если его не произойдет, вы навсегда останетесь рабами великого Кубиры!

Монахи обступили помост плотным кольцом. Стоят святыму Ваджрану приказать — и они тотчас набросятся на пленников.

Ткачи расстелили на солнце дивную парчу, и со всех сторон послышались восторженные возгласы. Даже святой Ваджран не смог скрыть своего восхищения и подошел поближе, чтобы как следует рассмотреть переливающиеся узоры.

Между тем братья не спеша натирали парчу белым порошком, а Конан, стоя на коленях, придерживал ее края руками. Наконец белый порошок скрыл от глаз все узоры, и братья встали на колени рядом с Конаном. Дхавана молитвенно сложил руки, киммериец и Критана последовали его примеру.

Потом он стал громко нараспев произносить молитву на непонятном наречии, часто повторяя имя богини Лури. Монахи и жрец замерли, завороженные звуками непонятного языка. Так они и стояли, не шелохнувшись, пока Дхавана не умолк.

В полной тишине он встал с колен, достал из сумы небольшую метелку из сухой жесткой травы, велел Конану и Критане поднять покрывало и стал бережно сметать с драгоценной парчи белый порошок. Казалось, прошла целая вечность. Жрец все так же неподвижно стоял напротив, ожидая обещанного чуда, монахи обступили пленников со всех сторон, отрезав пути к бегству.

Наконец Дхавана закончил работу, и они втроем расстелили парчу на солнце. Ни главный жрец, ни его свита не ждали неведомого чуда так страстно, как трое пленников,— и оно произошло! Ослепительный свет полыхнул во всему двору, и монахи с криками попятились, закрывая глаза руками. Жрец стоял, крепко зажмурив глаза, но свет пробивался даже под закрытые веки. Лишь Конана и братьев-ткачей волшебный свет не ослепил.

Киммериец хотел было броситься на зажмурившегося жреца, но вдруг увидел такое, отчего к нему сразу вернулся дар речи: на покрывале лежали три сверкающих меча и боевой топор. Мгновение — и пленники схватили чудесное оружие, а двор огласился могучим криком:

— Смерть проклятым монахам! Бей отродье Нергала! Жреца не трогать! Он — мой!

И Конан бросился в гущу монахов, заслонявших собой Ваджрана. Полуслепые, они беспорядочно размахивали мечами, не видя, что за вихрь обрушился на них, и слыша лишь громовые раскаты незнакомого голоса.

— Кр-р-ром! Вот это дело! Дхавана, обходи слева! Критана, не пускай к воротам! Всех в кучу! Круши, бей!

Беснующийся демон косил монахов направо и налево, неумолимо приближаясь к жрецу, метавшемуся по двору, как загнанная крыса.

Ваджран прятался за спинами своих воинов и, перебегая от одного к другому, истошно вопил:

— Окружайте! Окружайте негодяев! Гоните их к подземелью! Не подпускайте к воротам!

Но его приказы заглушали звон мечей, вопли сраженных воинов и радостный рёв киммерийца, наконец-то дорвавшегося до настоящей битвы! Меч Конана разил, как небесная молния, топор обрушивался на черепа, как божья кара.

А тем временем братья-ткачи сгоняли пустившихся наутек монахов на середину двора. Воспользовавшись суматохой, святой Ваджран решил улизнуть в известную лишь ему потайную дверь в высокой стене, но братья перехватили его и загнали в гущу монахов, ожесточенно отбивавшихся от разящих ударов гиганта. В пылу битвы никто из верных слуг Ваджрана не вспоминал о драгоценной жизни своего хозяина. Жреца толкали, он падал, и ноги сражавшихся попирали мнимого святошу. В разорванном парчовом одеянии, с всклокоченными волосами, старый жрец, обессилен, пытался на четвереньках отползти в сторону. Из пересохшего горла вырывался жалкий хрип, глаза безумно бегали из стороны в сторону, следя за молниеносными бросками чудовищного воина, а тот оглушительно выкрикивал проклятия и призывал незнакомого бога:

— Гнусные шакалы! Дерьмо Нергале! Клянусь Кромом, ни один не уйдет! Дхавана — добивай! Критана — к воротам!

И снова сверкали мечи, падали разрубленные тела, и вот уже не осталось спин, за которыми можно было укрыться от ярости пленника. Ваджран оказался один на один со своей смертью. Собрав последние силы, он вскочил на ноги и, выхватив из-за пояса кинжал, казавшийся детской

игрушкой против огромного меча киммерийца, попятился в дальний угол двора, где был еще один потайной ход. Отчаяние придало жрецу сил. Уворачиваясь от выпадов неистового гиганта, он петлял по двору и постепенно приближался к заветной дверце. Но когда Ваджран собрался сделать последний шаг, ему в грудь и в спину уперлись сверкающие мечи. Пригрозив проткнуть жреца насеквоздь, Дхавана и Критана заставили его выйти на середину двора. Ваджран рухнул на колени и завопил:

— О, пощади, доблестный Сегир! Не убивай! Я отдам тебе все, чем владею! Я укажу тебе все тайники! Никто, кроме меня, не знает, какие богатства здесь хранятся! И все это будет принадлежать тебе! О, Сегир, не убивай!

Меч молнией сверкнул перед глазами Ваджрана, его голова покатилась в пыль, а тело, несколько раз дернувшись, осело набок.

Конан, Дхавана и Критана, переводя дух после тяжелой битвы, глядели на голову поверженного жреца. Вот он, долгожданный час расплаты и освобождения!

Весь двор был завален изрубленными телами и залит кровью, а посреди него лежало дивное покрывало. Ни одна нога в пылу битвы не коснулась его, ни одна капля крови не обагрила чудный узор. Дхавана бережно сложил парчу и спрятал в суму, потом подошел к Конану, который все еще мрачно смотрел на голову ненавистного Ваджрана. Наконец киммериец отвернулся, сдернул плащ с одного из убитых воинов и завернул в него голову. Дхавана удивленно спросил:

— Зачем она тебе?! Ее надо сжечь вместе с остальными телами, чтобы очистить это место от скверны!

— Потом узнаешь! А насчет этого места — ты разве забыл о подземелье? Нам еще предстоит горячая схватка! Вспомни, сколько там засело монахов, и какие там переходы и тайники! А сейчас — слышишь? — надо отпереть ворота, а то толпа разнесет их в щепки!

Действительно, ворота уже давно сотрясались от ударов. Горожане собирались на площади в ожидании торжественного выхода жреца, но, вместо музыки, услышали шум битвы, и, встревожившись, решили открыть ворота.

Братья обнажили мечи и встали по бокам ворот, и Конан решительно отодвинул засов. Возбужденная толпа ввалилась во двор. Задние напирали, по те, кто был впереди, в ужасе попятились: сжимая в одной руке огромный меч, а в другой — окровавленный топор, среди множества изувеченных трупов стоял их любимый боец, «непобедимый немой Сегир».

У ворот, обнажив мечи и не пуская толпу дальше, замерли два

человека в забрызганных кровью одеждах. Наступившую тишину прорезал голос, громом обрушившийся на головы горожан:

— Вы собрались посмотреть на чудеса? Вы собрались посмотреть на бои во славу Кубиры? Вы собрались посмотреть на жертвоприношение своему божеству? Сегодня будут и бои, и чудеса, и жертвоприношения, клянусь Кромом, богом моей земли! Но сначала вы узнаете, что скрыто в святыниах ваших богов, а спрятано там немало! В глубоких темных подземельях томятся сотни искусных мастеров, чьими руками были созданы те дивные вещи, которые жрец объявлял чудом Кубиры, и чья кровь каждый день приносилась ему в жертву! Мы тоже были пленниками вашего божества, и лишь чудо спасло нас! И сейчас нам предстоит нелегкая битва с проклятыми монахами, охраняющими подземную тюрьму! Главный демон — ваш «святой Ваджран» — не укрылся от моего меча, и остальные тоже не уйдут! А сейчас — смотрите! — И Конан решительно направился к двери, ведущей в подземную тюрьму.

Толпа медленно двинулась за киммерийцем и его спутниками. Мужчины на ходу вынимали мечи из рук мертвцев, и вскоре перед дверью подземной тюрьмы стоял грозный отряд горожан. Потрясеные увиденным и услышанным, они сразу поверили гневным словам могучего воина и теперь были готовы броситься в бой, чтобы узнать все тайны мрачного подземелья.

Под напором толпы и под страшными ударами боевого топора Кована дверь дрогнула в, выворачивая камня кладки, сорвалась с петель. В полумраке сверкнули клинки стражников, сбежавшихся наверх со всех концов подземелья. Неистово орудуя мечом и топором, Конан прокладывал себе дорогу вперед, следом за ним шли разъяренные горожане. Не выдержав натиска, монахи бросились вниз. В большом зале среди кипящих котлов битва разгорелась с новой силой. Увидев, какие жуткое варево готовится в котлах, горожане пришли в неистовую ярость и начали бросать монахов в кипящую воду. Конан колол, рубил и швырял противников в смертоносные котлы, шаг за шагом пробиваясь к галерее, ведущей в дальние подземелья. Монахи оборонялись, пытаясь преградить ему путь. Они выстроились на страшной плите, закрывавшей колодец, а горожане плотной толпой наступали на них, намереваясь вступить в схватку.

Конан одним прыжком очутился у бронзового рычага, открывавшего колодец, и крикнул так, что затрепетали язычки пламени в светильниках:

— Стоять! Ни с места!

На мгновение все замерли, оглушенные мощным рыком киммерийца, и тут он изо всех сил нажал на бронзовый цветок. Вопли провалившихся в

бездну монахов слились с изумленными возгласами горожан, отпрянувших от адского колодца. На своде галереи затрепетал багровый отблеск подземного пламени, и камень вернулся на место, закрыв огненную могилу.

Взмахнув мечом, Конан устремился дальше, в полумрак коридора, туда, где за тяжелыми дверями томились пленники, знавшие, что им не суждено более увидеть солнечный свет.

Но вот, не выдержав яростных ударов топора, одна дверь затрещала и распахнулась, за ней другая, третья... Перед горожанами предстали узники, похожие на оживших мертвецов. Они в страхе побросали работу и жались по углам своих подземелий, ожидая смертного часа. Но, когда несчастные поняли, что это не гибель, а избавление, слезы потекли по их впалым щекам.

Конан крушил дверь за дверью, а горожане одного за другим выводили пленников на площадь. Теперь уже весь город знал о страшной тайне монастыря. Сам правитель прибыл к храму и был потрясен, увидев бледных изможденных людей, которые прикрывали глаза от яркого света и едва держались на ногах. Сердобольные горожане предоставили освобожденным узникам кров в своих домах, сытно накормили их, напоили молодым вином и постарались сделать все, чтобы они поскорее забыли о своих недавних мучениях.

Глава десятая

Конан и братья-ткачи обследовали каждый уголок подземелья, отыскав множество пещер с сокровищами и потайной ход, который вел прямиком в храм. По этому узкому коридору и доставлялись к статуе Кубиры те прекрасные вещи, которые считались «даром небес».

Наступил вечер, когда усталый Конан и вконец измученные Дхавана и Критана вышли на площадь. Их встретила огромная толпа с зажженными факелами. Люди помогли Конану уничтожить гнездо демонов, и теперь они ждали, что им скажет этот мужественный посланец богов.

Конан остановился посреди площади, отдал Дхаване окровавленный меч и зазубренный топор, отвязал от пояса какой-то сверток и бросил его на землю. Подняв кверху обе руки, освещенный сотнями факелов, он заговорил, и его зычный голос зазвучал над притихшей толпой:

— Жители Потали! Сегодня, в день вашего праздника, вы ждали торжеств и развлечений, но праздник обернулся кровавой битвой. Несчастные узники, которые кормили и обогащали эту свору, еще долго будут нуждаться в вашем милосердии. А сейчас я хочу сам совершить богослужение и принести жертву. Осветите факелами дорогу к храму — святой Ваджран должен уплатить свои долги! — С этими словами киммериец развязал побуревший от крови плащ и поднял за волосы голову жреца.

Толпа в ужасе отпрянула, но юноши с факелами в руках уже встали вдоль дорожки, ведущей к храму.

Конан с головой Ваджрана в руках и двое братьев позади него двинулись к храму. Следом за ними, не желая пропустить самое главное, пошли горожане. Вскоре храм заполнился народом. Увидев огромную статую бога, люди вскрикивали и пятились к дверям, но потом все же робко входили и начинали осматриваться. Монахи никого не допускали внутрь храма, однако старики помнили, что раньше перед жертвеником стояла набольшая статуэтка великого бога. То, что они увидели теперь, переполнило их сердца суеверным ужасом, люди ждали чего-то страшного, но все же не могли заставить себя уйти.

Конан молча подошел к жертвеннной чаше, бросил в нее голову жреца, облил ее маслом из светильника и, взяв факел из рук стоявшего рядом юноши, поднес к чаше огонь.

Пламя взметнулось высоким столбом, обдав, всех невыносимым жаром. Потом оно стало меньше, и храм заволокло черным туманом. Колеблющаяся черно-багровая мгла накрыла притихших людей. Ио через несколько мгновений одна за другой засияли светлые точки горящих факелов, тьма рассеялась, и тут всем показалось, будто статуя Кубиры исчезла вместе с пьедесталом.

Но нет — она стояла на прежнем месте, и бронзовый бог все так же бесстрастно взирал на собравшихся, только фигурка его теперь была не больше локтя, такой, как ее запомнили старики.

Конан и братья сразу покинули храм, а народ все шел и шел к алтарю посмотреть на чудо. В Потали все-таки очень любили чудеса! Всю ночь в городе не гасли огни, горожане высыпали на улицы. Столько событий свалилось на них в этот день, что трудно было усидеть дома. Похоже, праздник все-таки удался. Лишь к воротам монастыря не приближалась ни одна живая душа, мертвая тишина царила за его высокими стенами.

Тем временем бывшие пленники коварного жреца вышли на окраину города, забрались в чей-то заброшенный сад и решили там переночевать. Они не могли надышаться пряным ночным воздухом, опьянявшим после месяца, проведенного в зловонном подземелье, как молодое вино. Звездное небо раскинулось над их головами, ветерок еле слышно перебирал листву деревьев, и, казалось, весь мир распахнулся перед ними. Усталые братья ничком лежали на траве, а Конан задумчиво сидел рядом. Какая-то мысль не давала ему покоя, и, наконец, он сказал:

— Завтра надо достать лошадей. Вы вернетесь к себе в деревню, а я, пожалуй, пойду на север — здесь мне уже незачем оставаться. Значит, две лошади для вас, и две — для меня.

Критана хотел спросить, зачем Конану две лошади, но тут вдруг мягкий отблеск упал на их лица — это Дхавана поспешил снять с себя волшебный пояс и расстелил его на траве. Он мерцал призрачным светом, как еще вчера сияла чудесная парча во тьме подземелья. И вновь, как тогда, в лесу у костра, перед ними появился зыбкий образ прекрасной девушки. Забыв об усталости, Критана вскочил на ноги и бросился к сестре со словами:

— Сундари, милая! Ты спасла нам жизнь! Скоро мы будем дома, и я смогу обнять тебя, а сейчас побудь с нами, не исчезай! Завтра мы найдем коней и двинемся в дорогу!

В ответ прозвучал мелодичный девичий голос:

— Вам не нужно искать коней! Вы соткали покрывало, которое быстрее любого коня доставит вас домой. На рассвете расстелите его на

траве, сядьте на него все вместе и попросите отвезти вас туда, куда пожелаете. Покрывало взлетит в воздух, и не успеет солнце взойти высоко над землей, как вы уже опуститесь у порога своего дома! — Девушка, улыбаясь, смотрела на Конана и, казалось, ждала от него чего-то. Он подвинулся поближе и спросил:

— А покрывало выдержит, если, кроме нас, на нем будет стоять большой сундук? Или порвется? Ведь ткань такая тонкая...

Сундари засмеялась, и ее серебристый смех заставил быстрее забиться сердце отважного киммерийца:

— Даже если ты ухитришься поставить на него слона, оно все равно взлетит так же, как если бы на нем лежал сухой листок! Я поняла тебя, чужеземец! Делай, что задумал, и не сомневайся!

Смех девушки и ее призрачный образ растаяли в темноте. Дхавана с Кританой почти тотчас уснули, а Конан все ворочался на траве с боку на бок.

На рассвете, когда солнце едва позолотило края облаков и защебетали первые птицы, Дхавана проснулся и сначала не мог понять, где он — жив или, может, умер. Вместо лязга тюремных замков раздавалось пение птиц, ароматный воздух веселил душу. Юноша сел на траве и сразу все вспомнил. Рядом, подложив руки под голову, совсем как в детстве, спал Критана, а чуть подальше, разметавшись на тигровой шкуре, — киммериец. Тут же, в траве, лежал узорчатый пояс, а около него — кувшин вина и корзина с едой. Только сейчас Дхавана почувствовал, как он голоден, ведь вчера они даже не вспоминали о еде. Он с трудом разбудил Критану и Конана, которые, казалось, могли проспать еще целый день и целую ночь. Они неохотно открыли глаза, но, увидев кувшин с вином и хлеб, проснулись окончательно.

Допивая остатки вина, Дхавана вспомнил ночной разговор и спросил Конана:

— А про какой это сундук ты говорил? Что-то я ничего не понял... Или ты говорил про слона?

Конан чуть не подавился куском хлеба, громко расхохотался, хлопнул Дхавану по плечу и, вскочив на ноги, исчез за большим кустом. Он тут же вернулся, неся на плече огромный сундук, один из тех, что главный жрец выставлял перед поединком, и с торжествующей улыбкой откинулся крышку. Сундук был доверху набит всевозможными драгоценностями из подземных тайников. Лежало здесь и несколько золотых кирпичей, по которым совсем недавно ступал святой Ваджран, и пара массивных золотых браслетов, еще вчера украшавших ноги мраморных слонов.

— Я думаю, Кубира не будет возражать, если я сам награжу себя за все поединки в его честь! В конце концов, он мой должник! Смотри, Дхавана, солнце восходит. Расстилай покрывало, пора в дорогу!

После бурных событий минувшего дня и ночи Потали крепко спал, и никто не заметил, как покрывало поднялось в небо и, сверкнув золотом в лучах утреннего солнца, исчезло за лесом.

Этим утром все жители небольшой деревушки в нескольких днях пути от Потали вышли на улицу. Они с нетерпением ожидали чудесного возвращения пропавшего год назад молодого ткача Кританы и его брата, Дхаваны, который отправился на поиски.

Небольшая заросшая мягкой травой площадь посреди деревни заполнилась людьми. Они напряженно всматривались в безоблачное небо, словно ожидая какого-то знамения. Вдруг раздался пронзительный крик чумазого мальчишки:

— Летят! Летят! Вон там, смотрите! — Он прыгал, размахивая руками, и тыкал пальцем в небеса.

Наконец все увидели крохотную точку, напоминавшую летящую к земле птицу. Точка росла и росла... И вот, сверкая золотом, к деревне подлетело чудесное покрывало, неся на себе троих людей, радостно машущих лиующей толпе.

Люди расступились, и покрывало медленно опустилось на середину площади. Дхавана и Критана тут же подбежали к плачущим от счастья старикам — своим родителям, встали на колени и стали целовать им руки. Затем они подвели родителей к Конану. Те с поклоном поблагодарили киммерийца за спасение сыновей и пригласили его в свой дом. Четверо крепких юношей с трудом подняли сундук и понесли за ними. Женщины бережно свернули чудесное покрывало и пошли следом.

На пороге богатого дома, построенного, по вендинскому обычаю, в виде четырех отдельных покоев, окружавших небольшой внутренний дворик, улыбаясь, стояла прекрасная девушка в желтом платье, с цветком в черных, как ночь, волосах. Она радостно шагнула навстречу братьям — но глаза ее, сияя, смотрели лишь на Конана, и он среди радостно суевившейся толпы тоже видел лишь ее, Сундари.

В одно мгновение небольшой дворик превратился в пиршественный зал — появились столы, вино, богатое угощение. Братьев и Конана усадили на почетные места, и они, наполняя и осушая кубки, рассказали историю своего паломничества. Потом пришли соседи и пригласили их к себе. Там тоже были накрыты роскошные столы, и снова люди, замерев, слушали их рассказ. Мужчины вздыхали, женщины вытирали слезы.

После этого Конана и братьев один за другим приглашали все жители деревни. Всем хотелось уважить героев и своими ушами услышать, что с ними случилось в Потали. К вечеру у братьев уже заплетался язык, и только Конан еще что-то пытался рассказать.

В конце концов, едва живые от усталости, они вернулись в дом родителей Дхаваны и Кританы. Наутро Конан собирался покинуть гостеприимную деревню, и его отвели в просторную комнату, чтобы он как следует отдохнул перед дорогой. Он лег на широкое мягкое ложе и тут же уснул.

Братья почти до утра проговорили с родителями, уже не надеявшимися увидеть своих сыновей живыми.

Солнце уже высоко стояло над деревней, когда, наконец, усталые путники проснулись. Конана уговаривали остаться, но он уже рвался на север, к свежему ветру и прохладным лесам. В густых жарких джунглях его привлекали только богатства, но теперь они у него в сундуке. Правда, было в джунглях еще одно сокровище; но ведь его с собой не возьмешь...

Братья подарили Конану чудесное покрывало, и он взгромоздил на него свой драгоценный сундук. Женщины ставили на покрывало серебряные кувшины с вином и корзины с лакомством и фруктами. Вся деревня собралась проводить киммерийца. Конан поклонился старикам — родителям Дхаваны и Кританы, обнялся с братьями и шагнул к покрывалу, ища кого-то в толпе глазами. Вдруг рядом раздался звон серебряных браслетов, тонкие руки обвили шею киммерийца, и горячие, соленые от слез губы приникли к его губам. В следующее мгновение Конан уже стоял на сверкающей парче, и она медленно поднималась в небеса, унося его далеко на север...

Сияющая золотая точка все уменьшалась и уменьшалась, пока, наконец, совсем не скрылась из глаз. Жители деревни разошлись по домам. Братья-ткачи тоже вернулись к себе и вошли к Сундари. Она задумчиво сидела на ложе, покрытом шкурой громадного тигра, и чему-то улыбалась. Дхавана сел рядом и ласково сказал:

— Все-таки он улетел, не захотел остаться. Я все понимаю, сестра, я видел, как ты на него смотрела...

Сундари отвернулась и, загадочно улыбаясь, нежно погладила тигриную шкуру. Вот так же прошлой ночью она гладила непослушные черные волосы киммерийца...

Северо-Запад, 1997 год

Серия: Сага о Конане

Тираж: 18000 экз.

ISBN: 5-7906-0034-4

Тип обложки: твёрдая

Формат: 84x108/32 (130x200 мм)

Страниц: 464

OCR: Alex Mustaeff